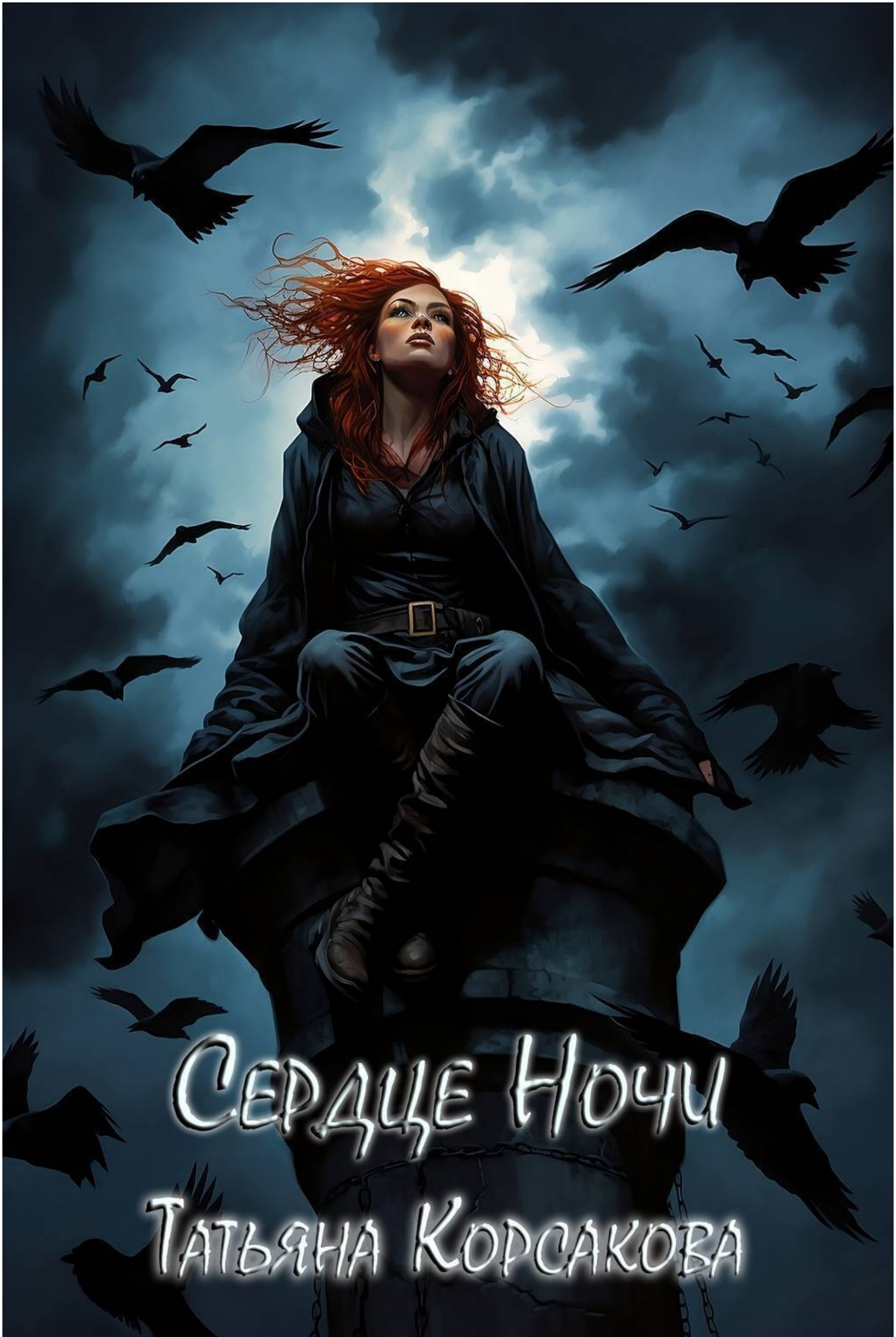
Сердце Ночи
Татьяна Корсакова

Королева мистического романа

Татьяна Корсакова

Сердце ночи

«Автор»
2018

УДК 821.161.1-31
ББК 84(2Рос=Рус)6-44

Корсакова Т. В.

Сердце ночи / Т. В. Корсакова — «Автор», 2018 — (Королева мистического романа)

ISBN 978-5-04-098901-0

Словно само средоточие тьмы, стоит среди глухой тайги мрачная Вранова башня. Ни один из тех, кто пытался ее найти, не вернулся обратно. Только проводник, обладающий ключом, способен пересечь границу и провести своих спутников к цели, вот только не идут ли все они навстречу верной погибели? Три девушки – дерзкая Эльза, капризная Лика и робкая Марфа – совсем не похожи друг на друга. Но судьба не зря свела их вместе, ведь у каждой из них есть особые способности и каждой предстоит пройти свое испытание и найти дорогу через тьму.

УДК 821.161.1-31
ББК 84(2Рос=Рус)6-44

ISBN 978-5-04-098901-0

© Корсакова Т. В., 2018
© Автор, 2018

Содержание

Конец ознакомительного фрагмента. 46

Татьяна Корсакова
Сердце ночи

* * *

Все права защищены. Книга или любая ее часть не может быть скопирована, воспроизведена в электронной или механической форме, в виде фотокопии, записи в память ЭВМ, репродукции или каким-либо иным способом, а также использована в любой информационной системе без получения разрешения от издателя. Копирование, воспроизведение и иное использование книги или ее части без согласия издателя является незаконным и влечет уголовную, административную и гражданскую ответственность.

© Корсакова Т., 2018
© Оформление. ООО «Издательство „Эксмо“», 2018

* * *

Дышать было больно. Так больно, словно в легкие набилась стекловата. Маленькая Эльза однажды взяла в руки стекловату, и папе потом пришлось везти дочь в больницу, доставать сотни невидимых колючек. Вот и сейчас колючки – только не в ладонях, а в легких. И в сердце, кажется…[1]

– Эльза, отпусти его! – Злой и немного испуганный голос пробивался к ней через эту колючую стекловату. Голос пробивался, а следом его хозяин. Держал за плечи крепко, сжимал до боли. Кажется, даже тряс. Зачем он ее трясет? Ей и без того больно. Так больно, что вот прямо сейчас горлом пойдет кровь… – Я тебя прошу, отпусти…

Голос стих, упал до шепота. Это лучше, не так больно. И кровавый туман перед глазами рассеивается, появляются люди. Но видит и держит Эльза только одного. Крепко-крепко держит за кадык и кадык его готова вырвать, стоит ему только дернуться, только слово сказать. Хоть одно-единственное слово…

…Он почти не изменился, только борода стала гуще, только серебра в ней прибавилось. А тогда, много лет назад, она была черная, с синевой. Тогда он казался совсем другим, не смотрел волком, улыбался Эльзе человеческой улыбкой, разве что самую малость настороженной. Эльзе улыбался, а на папу ее смотрел строго, даже с упреком.

– Зачем ты ее с собой, Петрович? Разве девчонке место в тайге?

Папа тогда, помнится, усмехнулся, Эльзу погладил по голове, сказал с гордостью:

[1] Начало истории читайте в романе Т. Корсаковой «Вранова погоня».

– Это не какая-то там городская неженка, Архип. Эта дочка моя! А тайга? Что тайга? Мы корни свои знать должны. Вот ты знаешь?

– Корни? – Архип тоже усмехнулся кривоватой, недоброй какой-то ухмылкой. – Про корни мне не рассказывай, Петрович.

А и то верно! Что ему, косматому и бородатому, рассказывать про корни, когда эти корни вон прямо на его ручище вытатуированы! И татуировка такая искусная, что не верится, что это всего лишь картинка. Так и кажется, что рука этими самими кореньями оплетена от плеча до широкой кисти. Кореньями и шипами. А между ними – ключ. Красивый такой, с завитушками. Ключ сразу не разглядеть, только если с определенного ракурса. Эльза разглядела и залюбовалась. Наверное, поэтому не сразу поняла, что к ней обращаются.

– Что ты видишь? – Архип смотрел на нее строго, с внимательным прищуром. Как на допросе.

– Татуировку. – Врать она не могла, но и про ключ рассказывать не хотелось.

– И что за татуировка? – Другой бы отстал, а этот не отходил, всматривался требовательно в Эльзино лицо. – Что тут? – И руку протянул так, что ключ теперь стал не просто виден, а очевиден.

– Да что ты пристал к девочке, Архип? – Папа похлопал его по плечу. – А то сам не знаешь, что у тебя там намалевано?! Корни, крючки, завитушки на манер кельтских узоров.

– Так? – спросил Архип, не сводя с Эльзы тяжелого взгляда.

– Корни, крючки, завитушки, – повторила она и покивала для пущей убедительности.

– И все?

– И все.

Он вдохнул и с шумом выдохнул, словно с облегчением. Или Эльзе просто показалось? Здесь, на самой границе тайги, в крошечном охотничьем домике ей все виделось странным и необычным. Может, потому что это была ее первая охота? И самой себе Эльза казалась этакой бесстрашной амазонкой. Что ей какой-то неотесанный егерь с его татуировками, когда впереди столько приключений?!

Знать бы тогда, как все обернется…

Вот только Эльза не знала. Тогда не знала, а потом забыла. И вот сейчас вспомнила. Только не все, а самое страшное, самое мучительное…

Тогда тоже было мучительно. Все тело зудело от комариных укусов. Эльза чесалась, срывала ногтями подсохшие корки, и по грязной коже текла алая кровь. А еще хотелось пить. Жажда была почти такой же невыносимой, как зуд. Нет, все же чуть более невыносимой. Вода закончилась давным-давно, кажется, еще день назад. Вода закончилась, а комары и жара все не кончались. Вот такая получилась охота. Не они охотились, а на них. Наверное. Воспоминания прятались за зыбким маревом, за черной, мерзко гудящей комариной тучей.

Архип выступил из этой тучи в тот самый момент, когда Эльза решила, что больше не выдержит, что умрет вот прямо сейчас, потому что нет у нее больше сил, никакая она не амазонка, а самая обыкновенная городская неженка. Она и так слишком долго держалась. Ради папы, чтобы его не расстраивать. Но все… закончились силы…

Он стоял большой и лохматый, как медведь. Упирался пятками в усыпанную иглицей землю, придерживал на плече охотничье ружье, всматривался, разглядывал…

– Нашлась? – спросил сиплым голосом и сделал шаг им навстречу.

– Нашлась. – Папа положил ладонь Эльзе на плечо. Слишком горячую, слишком тяжелую, но Эльза держалась. Она нашлась. Архип нашелся. Архип многое умеет и многое знает. И в запасе у него наверняка есть вода. Вот в той обтянутой кожей фляге, что болтается на поясном ремне. Только бы вода, а не водка…

– Где?

– Там.

Они говорили о чем-то своем, только им двоим понятном, а Эльза злилась. Почти теряла сознание от жажды и бессилия, но все равно злилась. Потому что вот она сейчас упадет. А может быть, и вовсе умрет. Это будет совсем уж обидно – умереть на самой границе тайги, когда до спасения рукой подать. Вот этой, расписанной диковинными узорами рукой. Корни темно-синие, почти черные, словно высушенные, и шипы черные, а ключ большой, рельефный, как настоящий. Будто бы Архипу вздумалось вшить его себе под кожу. Или вздумалось? Что она вообще о нем знает? Что понимает?

Это раньше мир казался понятным и ярким, а теперь все изменилось, подернулось туманом и патиной. Как будто это и не мир вовсе, а старая-старая картина. Ожившая, но все равно мертвая, холодная…

– Отойди, девочка… – Эльза и не заметила, как черное дуло охотничьего ружья уставилось ей в живот. – Сделай шаг в сторону.

Архип с отвращением смотрел на нее сверху вниз. Эльза его понимала. Понимала и почти не боялась. Теперь, когда она много про себя узнала, не нужно удивляться таким вот вещам. Он охотник. Пограничник, как назвала его та смешная бабушка, чей домик стоял на опушке леса. Он пограничник, и он в своем праве. Потому что Эльза пересекла границу. Сначала пересекла, а потом еще и посмела вернуться с той стороны. И не важно, что память ее теперь как ветхая дерюга. Иногда достаточно просто чувств. А Эльзины чувства криком кричат, что она заслужила. И боль эту, и жажду, и свинец в живот…

Папу жалко. Папа тоже все понимает, сжимает Эльзино плечо стальной хваткой, крепко, до боли, до хруста в костях.

– Не смей! – в голосе его ярость пополам с отчаянием. – Ты не сможешь!

Папа всегда ее защищал, потому что она была его маленькой девочкой, любимой доченькой. Вот и сейчас он шагнул вперед, отталкивая Эльзу, почти отшвыривая ее от себя. Ей тогда так показалось, словно горячая волна ударила в грудь, припечатала к земле в тот самый момент, когда прогремел выстрел.

От боли и от осознания того, что случилось непоправимое, Эльза сложилась пополам, завыла почти по-волчьи, жалобно и протяжно. И тайга тоже завыла, отозвалась тысячей птичьих голосов, загудела, завибрировала.

А папа умирал… Он все еще стоял на ногах, прижимал к животу окровавленные ладони, с изумлением наблюдал, как на ковер из прелой прошлогодней иглицы падают черные капли. Папа смотрел на капли и не смотрел на Эльзу. Даже головы не поднял…

Превозмогая боль, она встала на четвереньки и так, на четвереньках, поползла к умирающему отцу, обхватила руками за подгибающиеся уже колени. Но даже такой милости ее лишили: грубо и зло дернули за шиворот, поволокли прочь. Она извивалась и лягалась. Она даже пыталась укусить эту разрисованную руку, с мясом выгрызть полыхающий серебром ключ. Но не получалось. Ничегошеньки у нее не получалось! И силы закончились предательски быстро, почти так же быстро, как и воздух в легких. Наверное, он ее ударил, легонечко ткнул кулаком в солнечное сплетение, потому что почти сразу же наступила спасительная тьма, наполненная лишь птичьим клекотом и громким, нечеловеческим каким-то криком. Лучше бы она умерла…

– …Вставай! – кто-то тронул Эльзу за плечо. Не ласково и не грубо, как палкой потыкал. – Вставай, нам нужно уходить.

Сил и ненависти хватило лишь на то, чтобы дернуть плечом. Глаза не открывались, словно запеклись кровавой коркой.

– Папа… – Голос трескался и крошился, пока не закончился вместе с силами.

– Я предупреждал. – Ее дернули вверх. На сей раз не за шкирки, а за подмышки. Дернули, перехватили поудобнее. – Вам не нужно было туда ходить. Ни тебе, ни ему.

Не нужно было. Эльза теперь это и сама понимала, вот только поделать ничего не могла. Ни с прошлым, ни с этим страшным человеком. Пограничником…

– Прости. – В его голосе не было раскаяния – одна лишь усталость, почти такая же безмерная, как и ее собственная. – Я бы хотел поступить иначе.

– Ты его убил! – Голос вернулся вместе с новой волной ярости. – Ты убил моего папу!

И сил хватило, чтобы извернуться, вырваться из его хватки. Наверное, он не ожидал, что Эльза на такое способна, потому и отпустил. А она не поползла, она побежала, не разбирая дороги, к тому самому месту, где впервые посмотрела в черный зрачок охотничьего ружья…

…Огромный костер догорал, лишь кое-где из его дымных недр вырывались алые языки огня, чтобы еще разок жадно лизнуть что-то черное, бесформенное, скрюченное…

Зря она думала, что не осталось ни сил, ни голоса. Остались! Она рвалась к этому погребальному костру, не обращая внимания ни на горячие облака пепла и дыма, ни на обжигающее прикосновение искр, ни на человека, который оставил ее сиротой. А он догнал и поймал, выдернул из костра, голыми руками погасил занявшуюся одежду, заглянул в глаза. В его собственных глазах не было ничего, кроме отсветов догорающего огня, а коренья на его правой руке, словно живые, оплетали, прятали от мира и Эльзы потайной ключ.

– Я понимаю, – сказал и подхватил Эльзу на руки. – Я прекрасно понимаю, как сильно ты меня ненавидишь…

Она ненавидела. Вот только все силы, те крупицы, что еще оставались, сгорели в костре вместе с ее папой. И небо кружилось-кружилось вместе с парящими в нем черными птицами, пока не превратилось в бездонный водоворот, пока не всосало в себя теряющую рассудок Эльзу…

…А теперь силы вернулись! И силы, и ненависть!

Их хватит на многое, нужно только сжать покрепче, а потом дернуть…

– …Только если ты, милая, его сейчас убьешь, то правды тебе никогда не узнать…

Смешная старушка. Та самая, что из домика на опушке. Говорит тихо, ласково и голосом своим вкрадчивым словно разжимает невидимый сжатый кулак, палец за пальцем.

– Отпусти его, девочка. Понимаю, что тяжело, но отпусти.

Отпустила. Пальцы разжала все разом, и убийца ее отца с тихим рыком рухнул на землю. Она бы тоже рухнула, если бы не Никита. Подхватил, удержал на ногах. Или он не потому ее держит, чтобы не упала, а боится за этого… за убийцу.

Боится. Он же врач, ему людей нужно спасать. А тут почти убийство. Интересно, убить убийцу – это грех? Проверить бы, да вот только нет сил. И колечко ледяное, словно осколок льда, не греет, а выстуживает.

– Элли, что ты творишь?.. – Никита держал крепко, одной рукой за плечи, второй за талию, прижимал к себе, горячо дышал в затылок.

– Я? – Она повела плечом. Хотелось, чтобы как в сказке, чтобы спали оковы. Да вот не спали, Никита в сказки не верил. Он верил в чудеса медицины и в длинные диагнозы. У нее диагноз какой-то мудреный и сложный, но зато все-все объясняющий. Даже вот это… – Я ничего. – Дыхание почти выровнялось, и стекловата из легких исчезла. – Давай мы у него спросим. – Смотреть на убийцу было мерзко, но Эльза себя заставила. Она даже заставила себя сделать шаг в его сторону.

Почему-то казалось, что решись она на убийство, Архип защищаться не станет, умрет без лишних слов и без сожаления. Точно так же, как без сожаления убил, а потом сжег ее папу… Вдруг сделалось муторно и так тошно, что хоть вой.

– Ты вспомнила. – Архип не спрашивал, он утверждал.

– Ненавижу… – Ненависти хватило, чтобы сделать еще один шаг. Она сделала, и Марфа тоже, оторвалась от Архипа, встала между ним и Эльзой, заслоняя. Вид у нее был несчастный и решительный одновременно.

– Не надо, – сказала шепотом. – Я прошу тебя, не надо.

Она понимала. Эта простоватая, смешная и пугливая женщина лучше других понимала, на что способна Эльза. Они ведь стояли плечом к плечу перед порождением тьмы, которое бесновалось, пытаясь прорваться с той стороны. Они чувствовали силу друг друга. Не такую силу, как у Никиты или у Лешего, не грубую мужскую, а тонкую, но куда более мощную, прицельную. У Марфы силы было меньше, чем у остальных. Можно сказать, почти и не было вовсе, но тогда именно эта капля, эта заимствованная крупица и помогла им выстоять, дождаться помощи.

И Марфа, бедная, наивная Марфа, сейчас была готова на все. Умереть была готова, только бы защитить того, кто защиты ее недостоин.

– Он недостоин… – Эльза так и сказала. Тихо-тихо сказала, чтобы только Марфа услышала.

– Он не такой… Ты не понимаешь… Не надо…

– Я такой.

Пока они стояли вот так, друг напротив друга, пока мерились силами, которые нельзя измерить, Архип поднялся на ноги. Марфу он аккуратно взял за плечи, отодвинул в сторону. Она сопротивлялась, упиралась пятками, цеплялась пальцами за его жилистые, татуированные руки, но все равно сдалась, лишь глянула на Эльзу с мольбой.

– Я такой. – Он уставился Эльзе в глаза точно таким же взглядом, как много лет назад. – Слышите все? – Обернулся, посмотрел на остальных. – Я, Архип Белобородов, убил ее отца. Убил, отсидел, вышел. Слыхали?!

– Зачем?.. – Дышать снова стало тяжело, захотелось дозы. Так давно не хотелось, а теперь вот… – Он был хорошим человеком, а ты его убил!

От ее крика всполошилась, заметалась под ногами кошка, а Никита вышел наконец из стопора. Теперь он приближался решительным шагом и в своей попытке защитить Эльзу чем-то напоминал Марфу. Вот только Эльзе не нужна защита. Ей нужна правда!

– Да, он был хорошим человеком. – Архип кивнул. – И да, я его убил. Прости.

Он и тогда просил ее прощения. Прямо на догорающем пепелище просил. Безумец! Ему место не в тюрьме, а в сумасшедшем доме.

– Зачем? – Пальцы сжались в кулак и разжались. На плечи успокаивающе легли ладони Никиты. Эльза повела плечом.

– Мы узнаем. – Архип держал Марфу за руку. Крепко-крепко держал, словно боялся потерять. Вот только Эльза знала: Марфа никуда не денется, она видела незримые цепи, что сковали этих двоих: беспощадного убийцу и безобидную повариху… – Я думаю, нас затем здесь и собрали, чтобы мы узнали наконец правду…

Чтобы они узнали правду…

Забинтованной рукой Анжелика оттолкнула Лешего, а потом сама оттолкнулась от бревенчатой избы, поковыляла к эпицентру событий. Так уж вышло, что эпицентром оказалась Эльза. Так уж вышло, что Эльза не просто девица с придурью, а девица с очень большой придурью. Да еще и со сверхспособностями. Вон как она припечала этого бородатого! Едва на куски не порвала. Анжелика шкурой чувствовала – не вмешайся бабулечка, не удержал бы Эльзу от смертоубийства никто, даже добрый доктор Никита. Марфа бы попыталась. У нее на лице все чувства написаны. Тут и психологом быть не нужно, чтобы понять, что ее с бородатым что-то связывает. Или связывало. С этим еще предстоит разобраться.

Так. Стоп! А кто сказал, что она, Анжелика, должна разбираться? Кто она тут? Какое вообще отношение имеет к происходящему? А никакого не имеет! Не имеет, и участвовать в этой вакханалии не намерена! Очевидно ведь, что дело далеко зашло, что никакая это не прогулка по тайге, а что-то куда более серьезное. Нет, она не подписывалась на то, чтобы шастать по лесу с сумасшедшей и убийцей! Пусть уж как-нибудь без нее узнают правду.

– Рыжая, ты куда это? – Леший попытался дернуть ее за рукав. Пришлось снова от него отмахнуться. Крыс на Анжеликином плече запищал угрожающе. Защитник.

– Отвали! – Оборачиваться она не стала, потому что нечего время на ерунду тратить. Нужно вот прямо сейчас расставить все точки над «i». – Значит, так! – становиться на линию огня между Эльзой и егерем было страшновато, но Анжелика себя заставила. – Я не знаю, кто тут с чем разбирается и кто кого убил. – Егерь дернулся, словно от пощечины, а Эльза вздрогнула. Выглядела она скверно, как после тяжелой болезни. – Но лично меня это не касается. Лично я увидела достаточно, чтобы понять самое главное.

– И что же для тебя главное, деточка? – старушка на месте не усидела, тоже подтянулась. Собачонка ее кудлатая скакнула следом, и Эльзина кошка зыркнула на нее недобрым взглядом. – Что ты поняла?

А, пожалуй, с бабулечкой объясниться будет проще всего, потому что бабулечка хоть и в теме, но все равно чужая!

– А поняла я, баба Маланья, что собрал нас тут богатый извращенец, чтобы ставить какие-то психологические эксперименты.

– Психологические?.. – Леший пнул дохлую ворону, и Анжелику затошнило. – Точно психологические? Потому что в книжках по психологии я не видел, чтобы крепких мужиков, – он кивнул на егеря, – сначала в воздух поднимало, а потом еще и об сарай шарахало.

– Плевать! Это, дружочек, не наши с тобой проблемы! – Ох, не надо было этого говорить, потому что Леший приосанился и вроде как обрадовался, что она их объединила в каких-то несуществующих «мы». – Швыряется она мужиками, ну и славненько! Ну и пусть себе швыряется, а я домой!

– Ты тоже. – Леший не улыбался и камерой своей в Анжелику не целился, а все равно захотелось его ударить.

– Что – я тоже? – а может, еще не поздно врезать, чтобы угомонился и не говорил ерунды?

– Ты тоже так умеешь. Швыряться. Только не мужиками, а целыми маршрутками. Не верите? – Он обвел взглядом присутствующих. – Если не верите, так я вам могу показать. У меня все задокументировано.

– Чушь! – Анжелика мотнула головой, и голова предательски закружилась. – Бред сивой кобылы!

– И ты рыжая. Вы все тут рыжие!

– Ну и что?! – Тоже еще аргумент! Мало ли у кого какой цвет волос!

– Пока не знаю, но что-то это точно значит.

– Это значит, что ты кретин! – получилось неубедительно, без огонька. – Рыжие мы или серо-буро-малиновые, это не важно! Вообще все вот это, – она обвела взглядом разгромленный двор бабы Маланьи, – не имеет никакого значения!

– Имеет, – неожиданно твердо и решительно сказала Марфа. Ишь ты, и голос прорезался! – Мы его видели. Мы все его видели.

Спросить бы, кого, но Анжелика не стала. В груди вдруг стало пусто и холодно. И в голове загудел набат. Черный человек в птичьей маске, хозяин Черной Погони. Тот самый, которого вроде как нет, но он все равно вроде как есть. И Погоня его чертова есть. А хотелось бы, чтобы не было. Но изрезанные осколками ладони саднят не просто так. Все было. И чудище из беснующихся птиц, и его хозяин. И они, как три дуры, стекло подпирали, чудище держали.

Ну, так это еще один весомый аргумент, чтобы валить отсюда как можно быстрее и как можно дальше!

– Не выйдет. – Марфа смотрела ей в глаза и словно бы читала мысли. – Я его видела раньше. Все мы видели. Да? – спросила и посмотрела на Эльзу.

Анжелика тоже посмотрела. Ответ был очевиден. Эльзе в покер играть нельзя, у нее все написано на лице. Видела! И, пожалуй, не один раз, а куда как чаще. Потому вот так сейчас позеленела, пальцы сцепила в замок, зубы тоже сжала. Наверное, чтобы не клацали от страха. Анжелика ее понимала и даже не осуждала, она бы и сама позеленела. А может, и уже…

– Вы о чем сейчас, а? – снова сунулся Леший.

– Они, мальчик, о том, кто вас всех сюда позвал, – проскрипела старушка и погладила свою собачонку.

– Ошибаетесь, уважаемая. – За душевной беседой они и не заметили завхоза Михалыча. А он возьми да и появись с одной из тех папочек, с которыми так любил ходить адвокат Никопольский. – Мы здесь по воле другого, совершенно реального человека, – сказал и папочкой взмахнул.

– И какого человека, позвольте полюбопытствовать? – тут же спросила Анжелика. Вдруг да и удастся выяснить имечко. Нужно ж знать, к кому обращаться за расторжением контракта.

– Имя мне неизвестно, – сказал завхоз и прижал папочку к пузу. – То есть имен в договоре несколько, но я почти уверен, что того самого, – он поднял вверх указательный палец, – здесь нет.

– А на нет и суда нет! Отчаливаем! – Анжелика погладила Крыса по холке, и тот благодарно пощекотал ее щеку усами.

– Пока нет, но очень даже может случиться. – Во взгляде завхоза Михалыча плескалась вселенская тоска.

– Может, – поддакнул Леший. – Я изучил тот текст, что мелким шрифтом. Там много всего интересного.

Анжелика тоже изучила. Не дура ж она, честное слово! Неудачный брак ее кое-чему научил. Только вот получается, что она второй раз села в одну и ту же лужу, стала рабой договора, попала из огня да в полымя.

– Господин Никопольский предвидел подобную ситуацию. – Завхоз утер носовым платком вспотевший лоб. – Или, скорее всего, не он, а тот, на кого он работает. Поэтому просил напомнить тем, кто передумает, что их ждет в случае отказа от экспедиции.

За всех Анжелика не сказала бы, а вот лично ее ждал полный финансовый крах и долговая яма. У Лешего, похоже, перспективы тоже были безрадостные.

Марфа? Марфа пойдет за своим бородатым хоть на край света. Это и безо всяких договоров понятно.

Эльза? Эта тоже попрется к черту на кулички, по глазам видно. Но у нее хотя бы есть веский повод для риска. Да и вообще она безбашенная.

Никита? С этим пока не все понятно. Видно, что за Эльзой он присматривает. Но какого рода этот присмотр? Дружеский интерес или профессиональный?

Архип? Тут тоже не ясно. Этот может и не из корыстных побуждений, этот может быть идейный. Идейный такой убийца…

Завхоз?

– А что насчет вас, Семен Михалыч? – она так и спросила. Должны же они знать правду.

– А что насчет меня? – Он не удивился, словно был готов к такому вопросу.

– Вы уходите или остаетесь? У вас там в договоре тоже есть пункты мелким шрифтом?

– Есть. – Завхоз кивнул, рассеянным жестом погладил папочку. – Но я остаюсь не по этой причине.

– А по какой? – Ей и в самом деле было интересно, что может удержать здесь этого заурядного человечка.

– Мне, знаете ли, терять нечего, – ответил он просто.

– А деньги? Деньги потерять не боитесь?

– Деньги? – Он улыбнулся, снова погладил папочку. – Я, уважаемая Анжелика, себя потерять боюсь. У меня обстоятельства… – И не договорил, отвернулся.

– Обстоятельства непреодолимой силы, – пробормотал Леший, а потом вдруг добавил совершенно незнакомым, серьезным тоном: – А ведь, похоже, у нас тут у всех обстоятельства непреодолимой силы. Вот у меня, например, канал на Ютьюбе чуть не загнулся. Был такой годный канал. Подписчики, фанаты, поклонницы…

Анжелика фыркнула: какие еще поклонницы у этого патлатого!

– А потом бац – и словно диверсия какая-то! Словно бы кто-то целенаправленно меня уничтожал, доводил до ручки. – Он зыркнул на Анжелику и торопливо добавил: – Финансовой ручки, я имел в виду.

– И у меня обстоятельства непреодолимой силы, – сказала Марфа и бросила быстрый взгляд на егеря, словно бы тот знал о всех ее обстоятельствах. А может, и знал. – Я вообще осталась без всего.

– Совсем, что ли, без всего? – Леший глянул на нее с недоверием. – Или это образно?

– Не образно. – Марфа мотнула головой. – Без гроша за душой. Хоть в петлю…

Теперь уже Архип глянул на нее по-особенному. Надоели уже эти гляделки, честное слово! А с другой стороны, у нее, у Анжелики, тоже обстоятельства. Итальянец этот, черт бы его побрал! Не случайная это была встреча. Ох, не случайная! И записывающая аппаратура в номере тоже не случайно оказалась. У братца Иванушки с сестрицей Аленушкой на такое мозгов бы точно не хватило. У них не хватило, а вот у кого-то очень даже хватило. И пошла Анжелика по миру в одном только изумрудном колье…

– А ты? – Леший ткнул пальцем в сторону Эльзы. – Чем тебя взяли?

– Меня? – она будто и не слышала их предыдущего разговора. – Меня не требовалось уговаривать. – Мотнула головой точно так же, как до этого Марфа. – У меня уже давно ничего не было. Нечего терять…

Эльза ни на кого смотреть не стала, только губу закусила. Наверное, потому что пожалела о сказанном. Как же она жила, если терять нечего? Любому человеку есть что терять. Вот хотя бы изумрудное колье…

А Никита лицом потемнел. Желваки заходили под щетиной. Себя, что ли, винит в том, что этой несчастной даже потерять нечего? Ему-то уж точно было что терять. У таких обычно жизнь – полная чаша.

– Чего смотришь? – спросил не слишком ласково и глянул так, что захотелось запустить и в него чем-нибудь тяжелым. На нее злится или на себя? – У меня отпусков скопилось за пять лет. Решил прогуляться.

– Отпуска! Так и запишем. – Анжелика усмехнулась. Хотя, сказать по правде, радоваться тут было нечему. Кинули их всех! Сначала довели до ручки, а потом кинули.

– Ну, а с тобой и так все ясно, – сказал Леший снисходительно. – Про то, как ты с дедом своим лоханулась, в интернетах писали.

Захотелось одновременно и врезать, и провалиться под землю от стыда. Анжелика и попыталась врезать, но Леший оказался к такому готов – увернулся. Он увернулся, а она чуть не свалилась с ног. Некрасиво получилось. Почти так же некрасиво, как с наследством. Наверное, она бы не сдалась, попыталась взять реванш, если бы не завхоз Михалыч.

– Не нужно спорить, – сказал он успокаивающе. – Кое-что мы с вами выяснили. Про обстоятельства непреодолимой силы. У всех нас они, оказывается, имеются, и это означает…

– Это означает, что пути обратно вам нет, – закончила за него баба Маланья и вытерла руки о передник. – Многих она уже своей печатью пометила.

– Кто? – спросили они едва ли не хором. Почти все спросили, кроме Архипа.

– Черная Погоня. Кого крылом зацепила, кого когтем, но на каждом метку оставила. Теперь он вас везде найдет, нигде от него не спрячетесь.

– Бабушка, вот только ваших сказок нам сейчас не хватало! – Отмахнулся Леший, а отмахнувшись, уставился на свою разодранную в кровь руку. Птички задели?

– Раньше знаете, как было? – Старушка его словно бы и не слышала. – Раньше одной-единственной птицы хватало, чтобы метку поставить, одной только капельки крови. И он приходил на запах, забирал, что считал своим. Сначала понемногу брал, а дальше, видно, во вкус вошел. Звери к крови быстро привыкают. А потом ослаб. Тихо стало надолго. Если только птица какая к нему в логово человечка заманит…

Птица человечка заманит… Вот одна такая в самом центре Питера человечка почти и заманила. Может, не в логово, но на проезжую часть, под колеса маршрутки. И этот, в маске, там тоже был. Ждал крови?.. Или он не за ребенком приходил, а за ней, Анжеликой? Верить в такое не хотелось. Как не хотелось верить в то, что она одной лишь силой мысли сумела маршрутку опрокинуть. Сверхспособности – это, конечно, круто, но только если в американских боевиках. А когда вот так в жизни и без подготовки, то совсем даже не круто, а страшно.

– …Вы сейчас про обстоятельства какие-то говорили, детки. – Баба Маланья поправила черный платок. – Что жизнь вашу привычную кто-то поломал и перекроил, а я вам другое хочу сказать. Вам сейчас нужно вместе держаться, потому что поодиночке он вас как кутят слепых передушит. Особенно вас. – Она обвела взглядом мужчин. Пожалуй, только на Архипа не посмотрела. А тот стоял чернее тучи, сжимал и разжимал кулаки. Интересно, на кого злился? Потому что как-то страшновато идти в экспедицию с маньяком-убийцей. С них и Погони за глаза хватит. Анжелика сначала подумала, а уже потом удивилась, что, оказывается, предстоящую экспедицию уже приняла как данность.

– А почему это именно нас? – тут же уточнил Леший и навел на бабулечку объектив камеры. Вот же гад! – Чем это мы хуже их?

– Вы не хуже, мальчик. – Бабулечка усмехнулась. – Вы слабее. Приятно вам такое слышать или нет, это уже не мое дело, но вы супротив них – никто. Видел, что она, – бабулечка ткнула скрюченным пальцем в Эльзу, – с Архипом сделала? Вот и я кое-что видела. Сила у них. Еще не проснулась окончательно, но дай время – когда проснется, тому, кто станет у них на пути, не поздоровится.

– У меня нет, бабушка. – Марфа мотнула головой и Архипа своего взяла за руку. – Я обыкновенная. – В голосе поварихи Анжелике послышалось легкое разочарование. Ну конечно, кому хочется быть такой вот никакой?

– Может, и обыкновенная. – Баба Маланья в сторону Марфы даже не глянула. – С тобой не понятно пока, но если ты тут, значит, ты тоже важна.

– Для кого важна? – Марфа то краснела, то бледнела, но выглядела отчаянно решительной.

– Не знаю. Не разобралась пока.

– Так если они такие особенные, – в голосе Лешего тоже слышалась обида, – так пусть и шуруют в экспедицию одни! А мы их тут подождем, на завалинке.

– Да тебе вообще не стоило на белый свет рождаться, не то что на завалинке ждать. – Анжелика сказала это громко, прямо в камеру его сказала. Пусть теперь вырезает.

– А меня вот что интересует, – заговорил молчавший до этого Никита. – Как нам дальше действовать? Куда идти? Есть какие-нибудь инструкции?

– Инструкции есть, – оживился завхоз Михалыч и помахал своей папочкой. – Вот тут у меня конверт. Вскрыть велено, когда прибудем в точку сбора. Хотите, прямо сейчас и вскрою?

– Прямо сейчас вы, ребятушки, приведете в порядок мой двор, – тоном, не терпящим возражений, велела баба Маланья. – Или, думаете, птиц я буду убирать? – Дожидаться ответа она не стала, кивнула в сторону сарая: – Лопаты и мешки там. Птиц закопайте на опушке, я покажу где. А потом поговорим. Вот за ужином и поговорим.

И как-то сразу отлегло от сердца. Уборка территории и ужин – это банальность. А банальности в их нынешних жизнях, считай, почти и не осталось. Кто бы мог подумать, что Анжелика станет переживать по такому поводу! Но вот – переживает.

Из почти благостного состояния ее вывел ощутимый тычок в бок.

– А пускай вот они птиц силой мысли уберут! Чтобы без лопат и мешков! Пусть попробуют направить свою энергию в мирное русло.

– Я направлю. – Анжелика обернулась, посмотрела угрожающе. Ничего такого она, разумеется, делать не собиралась, но Леший попятился, проворчал испуганно:

– Дура, что ли?

– Мешки и лопаты в сарае, – повторила баба Маланья и поковыляла к дому. – А как вы птиц станете убирать, мне без разницы. У меня и своих дел хватает.

Лешему было не по себе. Да что там – не по себе! Ему было страшно! До дрожи в поджилках страшно!

Сначала он испугался за эту рыжую дуру, когда прорвавшись сквозь черную птичью тучу, он увидел ее оглушенную, окровавленную, с изрезанными осколками ладонями. Он тогда испугался так сильно, что даже забыл про камеру. Рыжая сидела на полу у разбитого окошка, смотрела на свои руки, а ее Крыс с сумасшедшим писком носился вокруг. Леший хотел было Крыса пнуть, но потом передумал. Не побоялся, а просто пожалел. Видно же, что Крыс переживает за рыжую. Переживает почти так же, как и сам Леший.

А потом оказалось, что с рыжей все хорошо, что ее ничем не прошибешь, и от сердца отлегло. Но случилась новая напасть. Тут Леший уже не сплоховал, все заснял с максимальными подробностями. И Эльзу с этим ее совершенно сумасшедшим взглядом, и Архипа, которого, словно букашку, пришпилило к стене сарая невидимой силой. И разговор, который за этим последовал, тоже снял. А пока снимал, снова начал бояться. Осознание того, что все происходит на самом деле, что нет тут ни розыгрыша, ни постановки, возникло почти сразу же. А вместе с ним пришло ясное понимание того, что все они попали, что никакая это не экспедиция, а что-то куда более серьезное и опасное. Понять бы еще, почему попали именно они. Нет, не так! Почему он, Леший, попал! Откуда такая чудовищная несправедливость!

И ведь спросить не у кого, никто ничего не знает. Ну, разве только бабка. Но какая ей вера при ее-то маразме! Или Архип. Только Архип это не тот, которому можно вот так просто задавать неудобные вопросы. Зверски убил человека, отсидел, вышел… Кто бы мог подумать!

Поэтому во время уборки двора Леший решил держаться Никиты, как самого адекватного. Адекватные люди вообще должны держаться вместе!

Никита работал молча. При этом действовал так быстро и ловко, что впору задуматься об имеющемся уже опыте. Архип тоже работал. Сгребал дохлых птиц в охапку и запихивал в мешки, а потом тащил эти мешки на опушку. Там уже орудовал лопатой Семен Михайлович, копал братскую могилу для птиц. Девицы куда-то исчезли. Наверное, пошли помогать бабке с ужином.

При мыслях об ужине в животе громко заурчало. Перекусить в монастыре им так и не удалось. А теперь, похоже, и заночевать не получится. Не бросать же дамочек тут одних. А в мужской монастырь им путь заказан.

На все про все ушло чуть больше часа. И за это время им так и не удалось поговорить. Никто не хотел разговаривать, а на камеру косились так, что Леший решил ее убрать от греха подальше. Камера ему еще пригодится в этой чертовой экспедиции.

Умывались у старого, вросшего в землю колодца. Архип с ведром и цепью управился так же быстро, как и с птицами, стащил с себя рубаху, плеснул в лицо ледяной воды, фыркнул по-звериному. А Леший не мог отвести взгляда с его исполосованного рубцами загорелого торса.

– Это что? – все-таки не удержался, спросил. – Авария какая-то была?

Архип глянул на него искоса, буркнул коротко:

– Шатун.

Шатун. Надо же! Леший представил себе этого шатуна и окончательно расхотел идти в экспедицию.

– Не боись. – Архип уже утирался льняным полотенцем. – Я тогда без оружия был. А с оружием ни один зверь нам не страшен.

Это смотря какой зверь, подумалось некстати. Если тот, которого они видели пару часов назад, то и ружье не поможет, пожалуй. Там вообще не ружье нужно, а осиновый кол и святая вода. Может, стоит все-таки смотаться в монастырь, запастись на всякий случай?

Никита умывался молча. Так же молча, как до этого работал. А завхоз так и вовсе вымыл только лицо и руки, раздеваться до пояса не стал. Завхоз не стал, а Леший рискнул. Когда еще доведется колодезной водицей окропиться! Хотя святой все равно было бы предпочтительнее.

Стол накрыли прямо на свежем воздухе. Только не во дворе, а в саду под старой яблоней. Застелили расшитой скатертью, уставили всякими деревенскими разносолами. Вообще-то Леший предпочитал пиццы и прочий фастфуд, но сейчас вот захотелось разносолов. Аж под ложечкой засосало. А тут и вареная картошка с укропчиком, и бочковые огурчики, и огромных размеров чугунная сковорода с жареным мясом и салом. А рядом на тарелке желтоглазая яичница. Вот прямо реально желтая, почти оранжевая! Леший таких яиц отродясь не видел и не ел. Было еще и соленое сало, и кровяная колбаса, и какая-то аппетитная штука, которую бабка называла сальтисоном. В общем, много чего было, чтобы не остаться голодным.

И девицы вокруг стола так и порхали, так и порхали. Под чутким бабкиным руководством расставляли тарелки, раскладывали приборы. Марфа нарезала на краешке стола этот самый сальтисон. Вид у нее был сосредоточенный и лишь самую малость несчастный. Одним словом, девицы держались молодцом. Все до одной!

И бдили. Леший попытался стянуть со стола кусок сала, за что тут же был бит мокрым полотенцем. Бит, разумеется, Анжелой. Но ни больно, ни обидно ему не было, просто есть захотелось еще сильнее.

За столом рассаживались несколько минут. Получилось так, что Леший оказался рядом с Ликой. Не специально, а совершенно случайно. Эльза дождалась, пока усядется Архип, и отсела от него как можно дальше. В отличие от Марфы. Та, наоборот, от егеря не отходила. Точно так же Никитос не отходил от Эльзы. Аккуратненько так присматривал, чтобы чего не вышло, чтобы не повторился недавний инцидент. Баба Маланья заняла место во главе стола, а Семен Михайлович – напротив нее. Невесть откуда он достал несколько бутылок водки, водрузил их в центр. Вообще-то Леший предпочитал вискарь, но сейчас не отказался и от водки. Стресс нужно было как-то снимать. Девицы тоже не отказались, даже баба Маланья с молчаливым одобрением приняла из рук завхоза чарку.

– Ну, коль уж так вышло, – начала задумчиво, – давайте выпьем за то, чтобы все хорошо закончилось, чтобы все вы вернулись обратно.

Получилось как-то не слишком оптимистично. Словно бы они не в экспедицию собираются, а на войну. Леший аж водкой поперхнулся, а Лика тут же презрительно фыркнула. Наверное, решила, что он не умеет пить. А он умеет! И пить умеет, и есть!

Еда у бабы Маланьи, кстати, оказалась обалденная! Куда там пиццам и прочим фастфудам! Леший и не знал, что бывает так вкусно. Или это все из-за стресса?

Наверное, чтобы унять стресс, по второй выпили быстро, едва лишь закусив. А после третьей Леший не выдержал.

– Ну, так что там насчет инструкций? – спросил, вальяжно откидываясь на спинку деревянного стула. – Семен Михайлович, оглашай! – Три чарки вернули ему и силу воли, и силу духа, и веру в победу. Будущее больше не виделось таким мрачным, как еще пару часов назад.

А остальные затаились. Особенно девицы. Марфа так даже вилку уронила. Вилку поднял Архип, молча вытер полотенцем, так же молча положил на Марфину тарелку. Смотрел он в это время на Эльзу, внимательно смотрел, с прищуром. Она его взгляд выдержала. Да что там – выдержала! В какой-то момент Лешему показалось, что Архип сейчас полыхнет синим пламенем под ее встречным взглядом и просыплется кучкой пепла прямо к Марфиным ногам. И вот как с такими идти в поход?

А Семен Михайлович уже нацепил очки и аккуратно распаковывал плотный пакет. Инструкции он извлекал так же бережно и аккуратно, зачитывал их хорошо поставленным голосом, с чувством, с расстановкой.

Зачитал, и Леший себя похвалил. Все-таки была у него чуйка на необычные дела и объекты! Искать им предстояло Вранову башню и прочее имение безвестно пропавшего почти двести лет назад Игната Горяева.

– …Золото и прочие драгоценности мы можем оставить себе и поделить по нашему усмотрению, – закончил Семен Михайлович и сдернул с носа очки. На носу его повисла капля пота. Наверное, от усердия.

– Да вы что?! – то ли обрадовалась, то ли умилилась Лика. – Вот так прямо можем оставить себе золото?!

– Тут так написано, – Семен Михайлович постучал пальцем по инструкции, смахнул с носа каплю.

– А ничего, что для начала нам нужно найти дом, который никто до сих пор не находил? – не унималась Лика.

И вот тут Леший был с ней полностью согласен. Вранова башня оттого и считалась объектом легендарным и даже мифическим, что ее до сих пор никто так и не нашел.

– А ничего, что оттуда, – Лика дернула подбородком куда-то в сторону предполагаемой тайги, – никто не возвращался?!

– Я возвращалась, – голос Эльзы звучал тихо, но расслышали ее все. – Я там была. Кажется.

– Кажется? – Лика уперлась локтями в стол, подалась вперед. – Ну и как оно там?

– Я не помню.

– Почти никто не помнит, – сказала баба Маланья. – Из тех, кто вернулся живым. Поэтому ничего удивительного. Жива, и слава богу!

– Не о том сейчас речь. – Лика принялась нетерпеливо барабанить пальцами по столу. – Речь о том, что ты не сможешь нас туда отвести.

– Она не сможет. – Баба Маланья раскладывала сальтисон по тарелкам. – А вот он сможет!

Нож, зажатый в скрюченных пальцах, указал на Архипа, и тот побледнел, сжал столешницу с такой силой, что та жалобно затрещала.

– Правда, что ли? – не удержался Леший. Оказывается, ему уже хочется в экспедицию. Вот прямо до зуда хочется!

Под перекрестьем направленных на него взглядов Архип молчал. Сопел, крошил столешницу голыми руками и молчал.

– От судьбы не убежишь. – Баба Маланья поставила перед ним тарелку с сальтисоном, плеснула в чарку еще водки.

– Я попробую, – сказал он наконец и одним махом опрокинул в себя водку.

– Ты не попробуешь, ты сделаешь. – Старушка вернулась на свое место. – Отведешь их.

– Почему он? – спросила Эльза. В глазах ее зеленющих плескалась ненависть. Леший понимал и не осуждал девушку. У этих двоих свои особенные счеты.

– Потому что он пограничник.

Пограничник! Надо же, как интересно! Вот только никаких границ в этом регионе нет, Леший географию знал так же хорошо, как и историю. Или о чем-то другом речь? О чем-то, что простому смертному понять не дано?

Архип тем временем медленно закатывал рукав рубахи. Закатал, протянул перед собой татуированную руку. Татухи у него были прикольные. Леший, пожалуй, от таких тоже не отказался бы.

– Видишь? – Леший смотрел только на Эльзу. – Еще раз спрашиваю, ты его видишь?

Теперь уже Эльза побледнела так сильно, что Никитос успокаивающе сжал ее ладонь, но она тут же высвободилась.

– Видишь?! – Вроде и тихо спросил, а словно гром громыхнул.

– Вижу, – сказала Эльза и со свистом втянула в себя воздух.

– И тогда видела. – Архип не спрашивал, он утверждал.

– И тогда видела. – Она кусала побелевшие губы, до крови кусала.

– Потому и выжила.

– Ты меня поэтому не убил?! – Ее голос сорвался на крик. – Из-за этого чертова ключа?!

– Это не я тебя не убил. Это он тебя не убил.

– Вран?..

– Вран…

И над столом повисла такая тишина, что стало слышно гудение одинокой пчелы.

– Кто еще его видит? – спросил Архип осипшим голосом, в клочья разрывая эту тишину.

– Я, – сказала Марфа и осторожно коснулась его предплечья в том месте, где татуированные коренья и шипы переплетались между собой особенно сильно.

– Похоже, и я тоже. – Лика подалась вперед. – А что, есть кто-то, кто его не видит? – в ее голосе было удивление.

– Потаенный ключ, деточка, видят только те, кто может пересекать невидимую границу. – Баба Маланья погладила поднырнувшую под руку собачонку.

– Так где ключ-то? – не выдержал Леший.

– Неважно, – Архип одернул рукав, отодвинулся от стола.

– Вот, вас таких уже трое, – сказала баба Маланья. – Вас трое и он – пограничник – четвертый.

– И что это значит? – уточнил Леший.

– Это значит, что ваши шансы вернуться возрастают в четыре раза. И поверь мне, мальчик, это очень много. На моей памяти такого вообще никогда не было, а живу я на свете уже очень давно.

– Вы его тоже видите. – Эльза перевела взгляд на старушку.

– Видела раньше. Больше нет. – Та покачала головой. – Силы уже не те.

Вот про силы Лешему тоже было интересно!

– То есть вы, бабушка, хотите сказать, что можете вот так, как они?

– Так не могу, – она усмехнулась. – Но раньше кое-что умела. А если бы мать свою слушала, так могла бы еще больше.

– Стоп! – Леший не выдержал, включил камеру. – Давайте уточним! Вы только что признались, что вы ведьма?!

Получилось глупо, как-то совсем по-детски. Вот и Лика фыркнула презрительно, а бабка продолжала улыбаться так ласково, словно с дебилом разговаривала.

– Что ты, мальчик! Какая ведьма? Ты, наверное, этих своих интернетов насмотрелся! Я про то, что когда-то умела знаки видеть и находить, а теперь вот зрение не то стало. А ты про что?

Вот и выставила идиотом! Леший торопливо выключил камеру. Это в эфир пускать не стоит. Это ж надо было вообще додуматься такое спросить!

– А если бы мы не видели этот ключ? – заговорила Лика. – Если бы вообще никто из нас не видел, что бы случилось? Мы бы не сумели попасть в этот ваш заповедник?

– Попасть бы сумели, – сказала старушка. – И, вероятно, даже Вранову башню бы нашли. Вот только обратно не вернулись бы. Или вернулись такими, что лучше уж вовсе не возвращаться.

– Много народу пропадает? – Эх, не ловит у бабки Интернет! А так бы Леший уже все в Сети нашел, все выведал.

– Раньше меньше, сейчас все больше. Последний раз год назад экспедиция целая пропала. Пришли ко мне ребятишки, навроде вас. Молодые, дурные. Хотим, говорят, найти сокровища и селфи сделать на фоне Врановой башни. – Старушка покачала головой. – Я их отговаривала, как могла. Даже стращала, только, похоже, еще больше раззадорила.

– И что с ними стало? – спросил Михалыч. – С ребятами из экспедиции?

– Про всех не скажу, а одна вернулась. Уходила в тайгу девочкой молодой и веселой, а вернулась седой старухой. Недели через две это случилось. Ко мне пришла. Они все сначала ко мне приходят, так уж у меня дом расположен, на границе. Пришла, в дверь постучалась. Я и не признала ее сразу, только по ботам. У нее такие смешные красные боты были. Я, помнится, еще думала, что в таких далеко не уйдешь. А эта не то что ушла, так еще и вернулась.

– И что она вам рассказала? – спросила Эльза. Выглядела она мрачной и сосредоточенной, на старушку смотрела во все глаза.

– Так ничего не рассказала. Не до разговоров нам было. Она в крови вся, поцарапанная, словно от птиц убегала.

– От Погони, – шепотом сказала Марфа и поежилась.

– От Погони, знамо дело. – Старушка кивнула. – Я раны, как могла, перевязала и вот ее, – она потрепала свою собачонку по холке, – с запиской в монастырь отправила. Так, мол, и так, нашлась ваша пропажа, вызывайте «Скорую».

– А спасатели? – уточнил Леший деловито. – Если целая экспедиция пропала, значит, людей искать должны были. Искали?

– Искали. Из областного центра присылали спасателей. Они по тайге побродили и ни с чем вернулись.

– А чего они вернулись-то? Вы ж, бабушка, сами только что говорили, что из вашего заповедника, – Леший бросил быстрый взгляд на Лику, – что из вашего заповедника живым никто не возвращается.

– Я не то говорила, мальчик. Ты плохо слушал. Не возвращаются те, кто через границу перешел и Вранову башню увидел. Не каждому, видимо, такое дано, чтобы без пограничника на ту сторону попасть.

Теперь все, как один, уставились на Архипа, загадочного пограничника с невидимым ключом.

– Но местные все равно стараются в те места не соваться. От греха подальше. Помнят, видать, старые истории. А пришлые что? Пришлые только в эти свои интернеты и верят.

– Что с той девушкой стало? – нетерпеливо спросила Эльза.

Эльзу можно было понять. Судя по всему, она и сама побывала в той же ситуации.

– Раны телесные залечили. – Старушка снова разлила по рюмкам водку.

– А душевные?

– Она не разговаривала совсем. Мычала только и плакала. Да еще пыталась спрятаться куда-нибудь, людей боялась. Умом тронулась та девушка, вот что.

– И не рассказала ничего про остальных? – спросила Марфа испуганно.

– А что рассказывать? – старушка посмотрела на нее с недоумением. – Там живым не место, там Его царство. Если не вернулись, значит, нет их больше на этом свете.

– И надежды никакой?

– У нашего работодателя, похоже, надежда есть. – За разговором они и не заметили, как Михалыч извлек из пакета еще один листок и сейчас очень внимательно его разглядывал. – Нам предстоит найти людей из той экспедиции.

– Вот это поворот! – Леший от удивления даже есть перестал. – Почти год уже прошел! Какие, к чертовой бабушке, поиски?! Кого мы там найдем?

– Тут сказано, – Михалыч взмахнул листком, – найти живыми или мертвыми… – Голос его дрогнул.

Леший его понимал, живых искать куда интереснее, чем покойников. Подумалось вдруг, что покойников, если те даже вдруг найдутся, транспортировать придется. Вот же радость и развлечение! В то, что в тайге кто-то мог продержаться целый год, он, как здравомыслящий человек, не верил.

– А что за люди были в той экспедиции? – спросил молчавший все это время Никитос.

– Что за люди? – старушка стрельнула в него острым взглядом. – А не знаю я, что за люди. Молодые все, два парня, две девушки. Во время ужина, когда я их отговорить пыталась, назвались историками. Вот только больно молодые они были. Студентики…

– Я понимаю! – Леший торопливо дожевал сальтисон, вытер губы рукавом. – Я понимаю, кто нас нанял. Это родители! У кого-то из тех пропавших ребятишек родители были непростые, вот и наняли…

– Спустя целый год? – Лика посмотрела на него с жалостью. Вот же язва! – Нормальный родитель поисковый отряд организовал бы сразу, как только узнал, что его ребенок пропал!

Это аргумент, и крыть Лешему было нечем. Он, конечно, пока вообще не родитель, но свои примерные реакции представляет. Он бы точно ждать не стал. Да еще имея такие деньжищи, которыми, судя по всему, ворочает их загадочный работодатель. Да и секретность эта в таком случае была бы ни к чему. И вообще, сам Леший нанял бы отряд крутейших спецназовцев, этаких Рембо с Терминаторами, чтобы разобрали этот чертов лес по бревнышку, если понадобится. А работодатель, чудак-человек, нанял их, команду никчемных лузеров. Да, да, лузеров! Может, в каком другом деле каждый из них и профи, но уж точно не в поисковом. Если только Архип. Так у Архипа на поверку оказалась такая биография, что с ним теперь вообще страшно рядом находиться…

Похоже, нечто подобное думали и остальные, потому что притихли и пригорюнились. Бодрой и деятельной оставалась только старушка. Она все подкладывала на тарелки гостей разносолы, все подливала водочку. Вспомнились вдруг сказки про Бабу-ягу, про то, как она потчевала добрых молодцев, мыла их в баньке, а потом употребляла в пищу. И пить, и есть тут же расхотелось. Отмотать бы все назад. Знать бы заранее, чем все обернется! И плевать бы на этот ютьюб-канал! Жил же Леший как-то без него, работал программистом. Неплохим программистом был, надо сказать. А теперь уже поздно. Сто пудов – поздно… И в Интернете ничего не посмотришь. Нету тут Интернета! Леший сомневался, что Сеть есть даже в поселке Сосновом, до того дикими казались здешние места. А если вернуться в райцентр?

Он так и спросил. Он спросил, а Михалыч ответил:

– Нам завтра утром выступать.

– В инструкции так написано? – Леший попытался сыронизировать, но завхоз шуток, похоже, не понимал.

– В инструкции, – сказал и снял с переносицы очки. – И даже, если бы не имелось четких указаний, райцентр отсюда в двухстах с лишним километров. Это же Сибирь.

– Мобильный Интернет ловил на дороге! – Леший не собирался сдаваться. – Это, я думаю, километров шестьдесят всего нужно проехать. Никитос, давай мы с тобой скакнем проверим, что к чему. – Из всех присутствующих только Никита внушал ему какое-никакое доверие.

– Вы пили! – напомнила Марфа испуганно. – Как можно пьяными за руль?

– И баба Маланья сказала, что разделяться нельзя. – Лика откинулась на спинку стула.

– Волнуешься за меня, рыжая? – На душе сразу потеплело, захотелось подвигов.

– Не за тебя, за него! – Она кивнула в сторону Никитоса, и подвигов сразу же расхотелось, даже обидно стало.

– Нельзя пьяными за руль, – встрял Михалыч. – Никак нельзя.

– Значит, завтра! – А вот сейчас в Лешем говорила злость. Как это вообще возможно отправляться на поиски, не имея никакой информации об объекте?! А вдруг они кого-то не того найдут! Что тогда? Прощай-то денежки? Идея родилась быстро, а как только родилась, Леший принялся ее обдумывать. Происходящее за столом перестало его волновать. Да и не происходило там больше ничего интересного.

– Завтра мы выступаем, – сказал Архип. Сказал, словно отрезал. И все сразу послушались.

Леший оказался прав насчет баньки. Баньку и в самом деле истопили. Пока Архип возился с дровами, они с Никитосом натаскали из колодца воды. Таскать пришлось много, чтобы хватило всем. Парились по очереди: сначала дамы, потом мужики. Леший париться не стал, вот еще какие деревенские глупости!

Спать их положили тоже порознь. Девицам баба Маланья постелила в доме, а мужчин отправили на сеновал. Спать на сеновале Лешему еще никогда не доводилось. Оказалось, что это то еще удовольствие. Пыльно, жарко, колко… И насекомые всякие невидимые в темноте. Мерзость!

А остальные уснули. Первым вырубился Никита, вторым – Михалыч. Архип не ложился долго, пару раз выходил во двор курить, и Леший со своего колючего насеста видел красный огонек его сигареты. Наконец угомонился и он. Вырубился, оглашая округу мощным храпом. Значит, пора!

Машину во двор загонять не стали, она так и стояла снаружи, совершенно не вписываясь в общую картину. Ключи от зажигания Леший стащил из кармана Архиповой куртки еще во время банных процедур. Оставалось только надеяться, что все умаялись за минувший день и спят достаточно крепко, чтобы не услышать гул мотора. Ну, и чтобы псина старушкина не залаяла. А даже если и услышат, то все равно догнать Лешего не смогут. А ему-то и нужно совсем ничего: отъехать на расстояние, на котором ловит Интернет. И не факт, что это будет пятьдесят километров, может, получится поймать и на двадцати. Двадцать километров – это же совсем ничего! Это десять-пятнадцать минут езды. Зато потом в его руках окажется ценнейшая информация о тех ребятах, что пропали здесь год назад. Что-что, а искать информацию он умеет! И видос можно попытаться запилить! Так сказать, сводки с фронтов. Чтобы эти городские лузеры видели, что все серьезно, а не понарошку, чтобы знали, на какие лишения Леший идет ради них, своих подписчиков, на какие подвиги! А в лагерь он потом вернется весь такой на белом коне, но делиться информацией ни с кем не станет, прибережет для себя и будущей истории. А эти сони пусть до всего доходят сами!

Вставить ключ зажигания с первой попытки не получилось, в крови бурлил адреналин пополам с алкоголем. Адреналина чуть больше, алкоголя чуть меньше, но в целом смесь полу-

чалась гремучая, как раз такая, чтобы не бояться никого и ничего. И машина не подвела, мурк-нула тихонечко, по-кошачьи, и так же тихонечко покатилась прочь от избушки. Всего двадцать километров…

Оно-то, может, и двадцать, вот только Леший по пути сюда все больше смотрел в план-шет, чем в окошко, не оценил ни дорогу, ни мастерство водилы. А теперь вот оценил. Когда дороги, считай, никакой и нет, когда не видно ни зги и ползти приходится по-черепашьи. А вокруг тьма и странные шорохи. Нет, не странные – страшные! Чтобы не испугаться еще силь-нее, Леший включил приемник, покрутил ручку настройки. Радио не ловило. То есть радио не ловило нормальных каналов, а ловило какую-то хрень, почти такую же, что была снаружи. Треск, шорохи, шепот… Леший мужественно чертыхнулся и врубил на полную мощность плеер в телефоне. Но почти сразу же вырубил, потому что озаботился он, дурак такой, всем, кроме заряда. И заряда должно было хватить если только в обрез.

Интернет появился на двадцать пятом километре. Пока еще хилый, видос на такой ско-рости не запилишь, но инфу какую-никакую уже можно поискать. Леший искать не стал, решил проехать еще немного, чтобы уж наверняка одним выстрелом убить всех зайцев сразу. Ехать пришлось еще семь километров. Зато сейчас Интернет почти летал. Ну как летал – хотя бы не тормозил. Леший приткнул микроавтобус на обочине, фары гасить не стал, потому что в голове его родилась шикарная просто идея. Сейчас он не просто зальет видос из старых, сейчас он снимет вот прямо реальную картинку. Картинка, к слову, жуткая: лес черной стеной, небо тоже черное, но с белыми дырами от звезд. И звуки. Звуки такие, что аж жуть: вой, уханье, шум ветра. А ему больше и не нужно, ему маленький такой видосик. Сначала камеру на себя, и фонариком подсветить для пущего драматизму, сказать, что хотел сказать. Это он уже при-думал, пока ехал. А потом снять вот всю эту жуть.

Леший так и сделал: и сказал, и снял. А потом заглушил мотор, забрался обратно в салон. Пока видос будет загружаться, можно поискать инфу про пропавшую экспедицию. Только бы заряда хватило! Сейчас, когда Леший был занят любимым делом, он не боялся никого, ни людей, ни черта лысого! Он всем еще покажет! И особенно этой рыжей, которая держит его за дурачка!

Видос грузился ни шатко ни валко, но слава богу, что вообще грузился. А Леший, точно гончая, рыскал по просторам Интернета, искал инфу. Увлекся так сильно, что подозрительные звуки услышал лишь в последний момент. Услышал и нырнул под руль, а телефон спрятал под полу куртки, чтобы не отсвечивал. Загрузки там оставалось совсем ничего, жалко, если оборвется. Те звуки, что показались ему подозрительными, на самом деле были не странными, скорее уж неожиданными. Потому что кто ожидает услышать ночью посреди тайги человече-ские голоса? Сначала подумалось, что это кто-то из своих. Проснулись от звука мотора, кину-лись в погоню. Вот только не свои! Голоса мужские, незнакомые. К тому же своим бросить-ся в погоню не на чем, потому что единственным видом транспорта вероломно завладел он сам.

В обычной, не таежной жизни Леший бы, наверное, высунулся, сказал – привет, мужики! А тут отчего-то затаился, даже дышать перестал. Дышать перестал, а за тем, как грузится видео, следить не забывал.

Загрузилось! От сердца отлегло. Самую малость отлегло, не придется перезаливать видос. Но голоса… Они не удалялись, не становились тише. И вот сейчас незнакомцы подойдут доста-точно близко, чтобы разглядеть в темноте микроавтобус, чтобы разглядеть его, свернувше-гося калачом Лешего. Скорее всего, в этом нет ничего страшного. Скорее всего, это какие-нибудь охотники или старатели, или кто тут еще шастает по ночам в лесу? Одним словом, обычные люди. А обычные люди после того, что Леший видел вчера, – это тьфу, это смешно, а не страшно. Вот только непонятно, почему так сильно бьется сердце, а ладони взмокли. Обыч-ные люди. Зачем прятаться от…

Додумать до конца эту оптимистичную мысль Леший не успел, микроавтобус качнулся, и в дверцу со стороны пассажирского сиденья что-то врезалось, а потом нутро салона осветил белый свет фонарика.

– Кто это тут у нас? – послышалось с той стороны. Голос был сиплый, словно прокуренный. А микроавтобус снова качнули. Сразу понятно, что тот, кто стоял снаружи, очень сильный. Почти такой же сильный, как Архип. – Гриня, ну-ка посвети!

Посветили. Луч фонаря скользнул по приборной панели, а потом соскочил к ногам Лешего, прямо к его подкосившимся и дрожащим коленкам. Обнаружили! И теперь совсем не понятно, что хуже: страх или стыд за то, что страшно. А ему ведь страшно.

– Двери открой, – сказал тот, что снаружи. – Выходи. Посмотрим на тебя такого!

В этом сиплом голосе не слышалось ни любопытства, ни даже насмешки. Голос приказывал, Леший должен был подчиниться. Вот только подчиняться не хотелось. И двери открывать тоже. А хотелось ударить по газам и валить отсюда куда глаза глядят.

А ведь это мысль! Что ему мешает уехать! Конечно, он не гонщик, но за рулем с шестнадцати лет. Вот как папка научил, так и за рулем! Сразу полегчало. Отпустило даже. Леший сунул телефон в карман, уселся на сиденье и повернул ключ в замке зажигания.

– Я сказал, открой дверь!

Не стоило смотреть, нужно было сразу по газам. Но Леший все равно посмотрел.

Их было трое. Один здоровый, бородатый, навроде Архипа. Тот самый, что велел открыть дверь. Второй высокий, даже долговязый, с повязанной на макушке банданой. Третий коренастый, плечистый, моложе остальных. Этот третий был почти ровесником Лешего. Он смотрел на него с веселым, звериным каким-то интересом. И скалился тоже по-звериному. Одно лишь это настораживало и пугало, но было еще кое-что. Оружие. Разглядеть в темноте подробности у Лешего не получилось, но оружие – это всегда серьезно. А оружие в руках у этих…

Может, Леший и был шалопаем, как считали родители. Может, он даже являлся слегка придурком, как и думала Лика, но кое-чего у него было не отнять. У него имелась чуйка! На интересные сюжеты, на интересные места, на интересные темы. На опасных людей… Эти люди были по-настоящему опасны. Куда до них адвокату Никопольскому с его контрактом и неустойками! Эти не станут пугать неустойками, эти сразу…

Заурчал мотор, и по салону пробежала вибрация, Леший вцепился в руль. Сейчас-сейчас… Дайте только секундочку…

Не дали. Молодой, со звериным оскалом, заступил дорогу. Шагнул аккурат в свет фар. И теперь Леший разглядел все в деталях. Лучше бы не видел. Лучше бы вообще не предпринимал эту идиотскую вылазку. Что теперь? Давить, что ли?..

– Я сказал, вышел из машины! – рявкнул бородатый, а потом как-то слишком стремительно, почти неуловимо для глаза замахнулся и врезал прикладом ружья в боковое стекло.

Давить! Если придется, давить всех к чертовой матери… Леший мотнул головой, смахивая осколки стекла, и тронул машину с места. Молодой отскочил в сторону с невероятным проворством, одновременно сдергивая с плеча ружье. А Леший уже ничего не видел. Леший маневрировал и молился всем богам, чтобы микроавтобус сдюжил, чтобы не застрял колесом где-нибудь в колее, чтобы дорога оказалась достаточно широкой для маневров.

У него получилось. Потому что у страха не только глаза велики, страх руками человеческими иногда может творить настоящие чудеса. Например, развернуть громоздкий бус всего за пару приемов, а потом швырнуть его вперед, в непроглядную темноту. Только бы у этих троих не оказалось машины! Только бы они не бросились в погоню!

Они не бросились. Вместо этого открыли огонь. Самый настоящий огонь. Как в кино! Как в чертовом боевике про гангстеров! Над головой что-то просвистело. Так близко, что еще чуть-чуть – и кранты. А Леший в этот момент думал только об одном. Чтобы не попали в колесо… Он пригибался к самому рулю, давил на газ и орал дурниной. Орал так громко и так

отчаянно, что не сразу понял, что все – больше никто не стреляет, больше никто за ним не гонится. И даже когда понял, не сразу поверил. А оглянуться или посмотреть в зеркало заднего вида боялся. Вот честное слово, боялся!

А дорога как-то быстро, почти стремительно вынырнула к уже знакомой опушке. И там, на краю опушки, Леший увидел свет, горевший в окнах старой избушки, а это значило, что его отсутствие уже заметили, что его команда не спит. По крайней мере кто-то из команды не спит точно. Вот только тогда Леший сбросил скорость, только тогда, кажется, начал дышать, а не судорожно глотать раскаленный воздух. Микроавтобус он запарковал аккуратно, почти ювелирно. Словно эта аккуратность могла оправдать разбитое стекло и попорченный пулями салон. Если, конечно, пули вообще были. Если он не придумал выстрелы в угаре погони.

Прежде чем открыть дверцу и выйти в ночь, Леший немного посидел, крепко вцепившись в руль. Посидел бы и дольше, если бы микроавтобус не качнула неведомая сила. Впрочем, почему неведомая? Очень даже ведомая! С той стороны стоял Архип. Он был голый по пояс. И шрамы, и татуировки его заливал мертвенный свет луны. Вот кого нужно бояться…

– Выходи, – сказал Архип и, не дожидаясь, просунул руку в пробоину в стекле, разблокировал дверь.

А за его широкой спиной уже маячили остальные. Марфа в накинутой поверх цветастой сорочки шали. Эльза в косо, не на те пуговицы застегнутой рубашке. Баба Маланья при полном параде, словно и спать не ложилась. Никита, тоже по пояс голый, взъерошенный и оттого выглядящий совсем несерьезно, как мальчишка. Михалыч в какой-то нелепой полосатой пижаме и тапках. Но Леший искал глазами не их, Леший искал Лику.

Не пришла. Не взволновалась, не озаботилась его исчезновением. Небось спит себе и не парится. Или проснулась, но не посчитала нужным выйти, чтобы убедиться, что с ним все в порядке…

Исчезновение Лешего первым заметил Архип. Никите тоже что-то подозрительное почудилось сквозь сон, но окончательно проснулся он от тычка под ребра.

– Вставай, док, – посипел на ухо Архип. – Этот ваш блогер, кажется, свалил.

Сам он оказался уже на ногах. Полуголый, косматый, бородатый, он был похож на медведя-шатуна. Того самого, который оставил следы на его теле. Никита сел, просыпаться по первому требованию ему было не привыкать.

– Как свалил? – спросил, натягивая джинсы.

– На вашем бусе. Вот как.

Архип уже спускался во двор по шаткой приставной лестнице. Где-то в глубине сеновала завозился, забормотал спросонья Семен Михайлович. Никита направился вслед за Архипом. В душе проснулось и набиралось сил беспокойство. Наручные часы показывали половину второго ночи.

А в избушке уже загорелся слабый огонек. Кажется, кто-то зажег свечу. Или керосинку. Скрипнула тихонько дверь, на пороге появилась высокая девичья фигура. Если высокая – значит, Анжелика. Из всех девчонок на модель была похожа только она одна.

– Что это было? – спросила Анжелика, зевая и поглаживая своего Крыса. Спала она с ним, что ли!

– Сейчас узнаем. – Никита вслед за Архипом выбежал за калитку.

Так и есть, микроавтобус пропал. И это могло означать только одно: Леший в самом деле свалил. Вот только куда и зачем?

– Вот дебил, – сказала в сердцах Анжелика и поплотнее запахнула полы своей куртейки. – Поехал искать Интернет.

Тогда и в самом деле дебил. Особенно в свете того, что рассказала им намедни баба Маланья. Особенно в свете того, что они видели своими собственными глазами. И ведь теперь его никак не догнать.

– У монахов есть уазик. – Архип словно прочел его мысли. – Только пока мы в монастырь, а потом обратно… – Он чертыхнулся, сплюнул себе под ноги.

Скрипнула калитка, и в образовавшуюся щель проскользнула сначала псинка, а потом баба Маланья.

– Что? – спросила она, поправляя платок. – Уехал?

– Уехал… – Архип закурил и теперь мерял широкими шагами пятачок перед покосившимся забором.

– За Интернетом, – поддакнула Анжелика. Вот только в голосе ее не было прежней язвительности. Никита бы даже сказал, что она волнуется. Наверное, показалось.

– Если за Интернетом, то вернется. – Кажется, баба Маланья успокоилась. – Главное, чтобы не в тайгу.

– Он, конечно, дурак, но не до такой степени, бабуля! – Анжелика шмыгнула носом и погладила своего Крыса. А калитка снова приоткрылась, на сей раз пропуская Семена Михайловича, Марфу, Эльзу и Зену.

– Что? – спросил Семен Михайлович почти так же, как баба Маланья. А Эльза ничего не спросила. Она стояла, прижавшись спиной к забору, и вид имела сонный.

Марфа сделала было робкий шаг к мечущемуся Архипу, но замерла, так и не решившись подойти ближе. Выглядела она несчастной и потерянной, а еще нелепой в этой своей ночнушке в цветочек.

Совещались недолго. Да и что совещаться, если машины все равно нет? Оставалось только ждать. Они и ждали. Архип курил сигарету за сигаретой. Семен Михайлович расположился в доме за столом и корпел над какими-то своими бумагами. Девицы тоже вернулись в дом, но никто из них не лег спать. Волновались все, даже Анжелика, которая старалась не подавать виду и деловито скармливала сухарь своему Крысу.

Звук мотора первым услышал Архип.

– Возвращается, – сказал, ни к кому не обращаясь, перекинул через плечо ружье и вышел за калитку.

Никита шагнул следом. Еще минут пять он не слышал ровным счетом ничего, а потом вдали и в самом деле послышался гул мотора. Сначала послышался гул, а потом показался и свет фар. Еще через пару минут на полянке перед воротами остановился микроавтобус. Первым делом Никита увидел разбитое стекло. Вторым – бледное, как луна, лицо Лешего. Третьим – странные отверстия на лобовом стекле. Очень странные…

А Архип уже за шкирку вытаскивал Лешего из салона, причем Леший даже не сопротивлялся.

– С ним все в порядке? – спросила шепотом Марфа. Оказывается, на звук мотора вышли все, кроме Анжелики.

– Сейчас узнаем. – Архип тряхнул Лешего, как щенка. Встряска, кажется, привела того наконец в чувства, он замотал головой, принялся вырываться.

– Пусти, – прохрипел придушенно.

Архип разжал пальцы, и Леший, потеряв опору, едва не рухнул на землю. Однако устоял, даже подбородок вздернул. А егерь уже обходил микроавтобус по кругу, осматривал, ощупывал, разве что не обнюхивал.

– В тебя стреляли. – Не спросил, а равнодушным тоном констатировал очевидный факт.

Испуганно ахнула Марфа, бросилась к Лешему. Хотя по-хорошему провести осмотр следовало бы не ей, а Никите. Но Никита и без осмотра видел – с Лешим все в порядке. Легкий стресс не в счет.

– Кто в тебя стрелял? – К Лешему он все-таки подошел. Не из-за врачебного долга, а из-за любопытства.

– Упыри. – Леший медленно, но верно приходил в себя. – Какие-то отморозки с ружьями. Хотели отнять бус. Требовали, чтобы я вышел. А я не вышел! Я по газам, а они стрелять… Представляешь? – Он посмотрел на Никиту так, словно видел впервые в жизни. – Они стреляли по микроавтобусу! Они меня чуть не пристрелили!

Все-таки в себя он не приходил. И если ничего не предпринять, с ним запросто случится истерика.

– В дом пойдем, – велела баба Маланья и дернула Лешего за рукав куртки. – Налью тебе можжевеловой настойки. Есть у меня.

Она говорила и тянула Лешего за собой, как теленка на веревке. Остальные тоже двинулись к избушке.

А на крыльце их уже ждала Анжелика.

– Явился? – спросила равнодушно, словно до этого и не волновалась вовсе.

Леший – удивительное дело! – ничего ей не ответил. Войдя в дом, он молча принял из рук бабы Маланьи стопку с настойкой, выпил одним махом, охнул и зажмурился. Наверное, настойка оказалась слишком крепкой.

– Рассказывай! – велел Архип, усаживаясь напротив.

– Что рассказывать? – прохрипел Леший. Его бледное лицо стремительно заливал румянец.

– Все рассказывай. Что за упыри, как выглядели?

Леший рассказал. Пережитый стресс никак не повлиял на его наблюдательность. Впрочем, рассказ получился короткий, как и знакомство Лешего с нападавшими.

– Кто это были? – спросила Анжелика и погладила своего Крыса. Спрашивала она у Архипа, но ответила ей баба Маланья.

– Это поисковики. Когда те детишки пропали, их тут много бродило. Всякие люди ко мне заглядывали. Были и нормальные, были и вот такие… Цель у них у всех была одна-единственная – поиски экспедиции.

– С нормальными ясно, – Анжелика кивнула, – там великие идеалы гуманизма, а у этих какой интерес?

– Финансовый, – пожал плечами Архип. – Их наняли.

– Кто нанял? – спросил Никита.

– Я думаю, тот самый человек, что нанял и нас с вами. – После стопки настойки Леший ожил. – Я в этом почти уверен! Я ж не просто так ночью по тайге мотался…

– Конечно, – хмыкнула Анжелика. – Ты за инфой мотался.

– И нашел. – Леший даже не глянул в ее сторону. – Год назад, когда пропали те ребята, в Сети объявили награду тому, кто их найдет.

– Большую? – Семен Михайлович поправил очки.

– Миллион долларов. Как вам? – Леший поежился. – Объявление повесили на профильных сайтах. Ну там, охотничьих, поисковых. На сайтах черных копателей и прочих авантюристов. Гарантом выступил какой-то банк, я забыл название, но, думаю, вспомню. То есть, там все было серьезно с самого начала. Такие деньжищи… – Он замолчал, но ненадолго. – И народ ломанулся в тайгу. Я ведь прав, бабуля? Ломанулся народ?

– Ломанулся. – Баба Маланья кивнула. – Тогда ломанулся и сейчас, как видите, все еще ломится. Деньги большие. За такие деньги дурной человек мать родную не пожалеет.

– Были прецеденты? – спросила Анжелика.

– Были! – Леший по-прежнему не смотрел в ее сторону. – Пять трупов за год. Трупы все криминальные. – Он снова немного помолчал, а когда заговорил, голос его стал тише: – Они мне сразу не понравились. Но тогда я не знал, кто они. Просто чуйка… А теперь вот подумал.

– Правильно подумал. – Архип хлопнул его по плечу. Наверное, сильно хлопнул, потому что Леший аж поморщился. – Здесь лихих людей и раньше хватало.

Тяжело, с надрывом, вздохнула Эльза. И Никита испугался, что она сейчас снова бросится на егеря. Или не бросится, а бросит его самого – на стену, как она может. Но обошлось, Эльза отступила в тень, затаилась.

– Ерунда какая-то! – Наверное, Анжелике нравилось спорить с Лешим. – Целый год уже прошел.

– А награда до сих пор актуальна, – отрезал Леший.

– Тогда мы ему зачем? – Она не унималась. Вроде и в самом деле пыталась понять. – Этот наш неизвестный Рокфеллер мог нанять кого угодно. Ему вон ляма долларов не жалко. А нанял нас! – Она подняла вверх указательный палец. И Крыс на ее плече привстал на задние лапы. – Да не просто нанял. Он нам предварительно жизни поломал, чтобы мы не отказались, чтобы наверняка. Зачем мы ему вообще нужны, если у него такие ресурсы?!

– Тебе ж уже сказали, что мы особенные, – Леший пожал плечами.

– Не мы все, – Анжелика посмотрела на него с презрением, – а я, Эльза и вот этот пограничник. – Она мотнула головой в сторону Архипа.

– Так может, тогда вы втроем в лес и пойдете? – тут же взвился Леший.

– Пойдем вместе, – коротко и веско остановил спор Архип. Сказал и уставился в темноту за окном.

– Может, он передумал? – Эльза выступила из тени, и кошка Зена показалась следом. – Тот человек, что нас нанял. Может, он сначала пошел обычным путем, а потом решил прибегнуть к необычному?

– А объявление снять забыл? – хмыкнул Леший.

– Или просто решил, что какой-нибудь из вариантов рано или поздно сработает, – подсказал Семен Михайлович.

– И теперь мы в любой момент можем столкнуться в лесу с этими отморозками. – Леший посмотрел на завхоза с укором, словно это именно он отправляет их на встречу с отморозками.

– Можем. – Архип пристально вглядывался в темноту за окном. – Поэтому чтобы больше никто не смел уходить из лагеря без моего ведома. Ясно вам? – Он обернулся. Лицо его было мрачным и грозным. Теперь Никита запросто мог поверить, что Архип способен на убийство. Да и что верить, если Архип не скрывает, что убил Эльзиного отца! И вот вопрос – с кем им опаснее в тайге, с теми незнакомцами или с Архипом?

Наверное, вопрос этот читался на лицах всех присутствующих, потому что Архип криво усмехнулся, вытащил из пачки сигарету, размял ее в пальцах.

– Кто-нибудь из вас, умников, сможет убить врага в случае чего? – Ответа он дожидаться не стал, мрачно кивнул. – А я смогу. Вот и подумайте, как вам будет в тайге лучше, со мной или без меня.

Тихо всхлипнула, почти застонала Эльза, выскочила из избушки в ночь. И тут же воцарившуюся тишину разорвал женский крик. Кричала Марфа. Никита только сейчас заметил, что ее нет с ними в избушке. Вздрогнул, а потом ломанулся во двор Архип, Никита бросился следом.

Снаружи было темно, тусклого света звезд едва хватало, чтобы разобрать дорогу. Впрочем, можно было не разбирать. Достаточно следовать за Архипом. Тот, похоже, в темноте видел, как кот.

А Марфа уже перестала кричать. Хороший это знак или плохой, думать не хотелось. Да и не было времени. Архип остановился резко, как вкопанный, и Никита по инерции налетел на его широкую спину.

– Ты чего? – Голос егеря сделался тихим, почти ласковым. Даже не верилось, что вообще может так разговаривать. – Марфа, ты чего кричала?

Марфа стояла, притулившись спиной к темной стене сарая, и прижимала к груди сложенные лодочкой ладони.

– Ничего… Все хорошо… Архип. – Казалось, для того чтобы назвать егеря по имени, ей пришлось сделать над собой усилий. – Я просто испугалась.

– Чего ты испугалась? – Архип к церемониям и фанабериям не привык, он уже решительно разжимал ее ладони. – Что у тебя там?

– Все хорошо, только не убивай ее… Она не виновата, что я испугалась.

– Не убивай… – В голосе Архипа послышалась такая горечь, что всего на мгновение Никите стало его жалко. – Покажи.

– Она нечаянно… – Марфа говорила скороговоркой и пятилась. – Она врезалась в меня в темноте, запуталась в волосах… вот я и закричала. А на самом деле ничего страшного не случилось… Я сама виновата. Я от неожиданности ее ударила и, наверное, зашибла…

– Покажи! – повторил Архип требовательно, и Марфа нехотя, очень медленно разжала ладони.

На ее руке сидело нечто – черная клякса, обрывок темноты. И это нечто вроде как металось, порывалось взлететь, но не улетало.

– Летучая мышь. – В голосе Архипа не было никаких эмоций. И те, прежние, наверное, Никите просто почудились. – Ты столкнулась с летучей мышью?

– Так получилось. – Белые Марфины пальцы почти с нежностью гладили кожистые крылья существа. – Никто не виноват.

– Никто не виноват… – повторил Архип, отступая.

– Какая мерзость. – Послышался из темноты голос Анжелики. – Они же переносчики инфекций и вообще вампиры!

– Кто бы говорил! – тут же поддел ее Леший. – Сама-то небось со своим ангелочком даже спишь.

– Это совсем другое! Как можно сравнивать?

– Это одно и то же. – Пятачок перед сараем осветил желтый свет от керосинки, что держала в руке баба Маланья. – У каждой свой зверь. Теперь и у нее тоже. – Она ткнула пальцем в подслеповато щурящуюся Марфу, повторила: – Теперь и у нее.

– Я ей крыло, наверное, сломала, – сказала Марфа встревоженным шепотом. – Обращалась она исключительно к бабе Маланье.

– Покажи-ка! – Старушка поднесла лампу поближе к обрывку черноты в Марфиных руках, без страха и без отвращения прощупала сначала одно крыло, потом другое.

– Все с ней хорошо.

– Но она не улетает.

– Она не улетает, потому что хочет быть с тобой. Теперь это твой зверь. Уж какой есть…

– Я понял! – неожиданно громко и весело сказал Леший. – Это фамильяры!

– Кто? – Обернулся на него Никита.

– Фамильяры! – Леший улыбался. – У каждой уважающей себя ведьмы должно быть животное-фамильяр. Ну, типа, домашний питомец, только поумнее.

– В Интернете прочитал? – спросила Анжелика язвительно.

– В кино увидел. В каком-то сериале.

– Значит, в сериале? Понятненько! А я уже начала было думать, что ты нормальный.

– А я тебя нормальной вообще никогда не считал!

– То есть ты сейчас снова пытаешься нас убедить, что мы ведьмы?

– За других не скажу, а вот ты точно ведьма! – буркнул Леший. – Ведьмища! Баба-яга и кикимора в одном флаконе!

Он не стал дожидаться ответного удара, решительно толкнул дверь сарая.

– Все, я спать! – послышалось из темноты. – С меня на сегодня хватит.

Архип курил сигарету за сигаретой и все никак не мог накуриться. Когда ему предложили, практически навязали это дело, он понимал, что будет тяжело, но он не знал, что настолько.

Искупление… Вот ведь и не в чем ему себя винить, а все равно на душе – мрак. Девчонка эта… как посмотрит своими зелеными глазищами. Лучше уж сразу об стенку! Раз – и нет раба Божьего Архипа Белобородова.

Уже тогда нужно было понять, кто она такая на самом деле. Почему вернулась оттуда живой. Почему оба они вернулись. Посмотрел бы тогда Архип на нее внимательнее, все бы сразу понял. Но он не посмотрел. Не смог он ей тогда в глаза взглянуть. Боялся, что увидит в них пламя разгорающегося погребального костра. Тени от вороньих крыльев боялся увидеть.

Или пожалел? Вот просто по-человечески пожалел? Он же не зверь какой, а она девчонкой совсем была. Ей такая ноша разве под силу?

Под силу. Если на той стороне побывала, если вернулась и потаенный ключ сумела разглядеть, значит, непростая девочка. Ох, непростая! Из тех, про которых отец Архипу рассказывал. А отцу – дед. Рассказывать-то рассказывали, а вот никто их в жизни своей не видел. Тех, кто, как они, пограничники, могут ходить на ту сторону. Тех, кого им самой судьбой назначено защищать.

Байки те – сначала дедовы, а потом и отцовские – Архип слушал краем уха. Неинтересны ему, молодому да горячему, казались эти суеверные бредни. У него целая жизнь была впереди. Большая, интересная жизнь! Какое уж тут приграничье! Какой потайной ключ?!

Так бы и не верил Архип в сказки, если бы однажды не увидел ключ собственными глазами. Отцовский и дедов он и раньше видел, даже завидовал этим их не то татуировкам, не то шрамам. Но это были чужие ключи, а теперь собственный, невесть откуда на руке взявшийся. Спать Архип ложился без ключа и не пил перед сном ничего крепче кваса. Ложился спать с чистой кожей, а проснулся с ключом на все предплечье. Точно таким же, как у отца с дедом. И что самое удивительно, никто кроме Архипа этот ключ не видел, даже суровый мужик-татуировщик. Не видел, но словно чуял, потому что татуху набил как раз вокруг ключа. Потаенного ключа. Архип, помнится, тогда еще подумал, что мужик-татуировщик над ним насмехается. Или вовсе в сговоре с отцом. Так бы и думал, если бы тот не сделал мгновенный снимок татухи на полароид. Такими снимками у него была завешана вся стена. Так вот, на снимке ключа не оказалось…

Осознание приходило долго. И пока приходило, Архип боялся, что тронется умом. Потому что вместе с ключом стал видеть и другие, ранее невидимые, непонятные вещи. Тайные тропы, смертельные ловушки, следы Погони… Вот прямо в небе, как инверсионный след от самолета, только не белый, а черный. И границу тоже стал видеть. Шкурой чуять, где заканчивается людская власть и начинается Его территория. И потаенный дом тоже видел, и Вранову башню. Только издалека, подойти близко отец не позволил.

– Нельзя, – сказал коротко. – Мало в тебе еще сил, можешь и не вернуться.

Архип силу в себе чуял огромную. Подковы мог гнуть голыми руками, на медведя мог… Вот медведь его с неба на землю и вернул, доказал, что сила его перед настоящей мощью – это тьфу… Отец его тогда нашел в тайге истекающего кровью, полумертвого. Нашел, притащил к бабе Малаше, положил на пол посреди комнаты, сказал сипло:

– Спасай, старая…

Это последнее, что Архип запомнил перед тем, как отключиться. Успел только подумать – вот и все, вот и конец. Оказалось, не конец. Баба Малаша его с того света, считай, вытащила. И ключ она его видела. Архип специально не задавал вопросов, просто по глазам понял, что видит. Спросил только у отца:

– Она из них?

– Нет, – отец покачал головой. – У нее просто есть кое-какие силы. Как у матери ее и у бабки…

С тех пор Архип стал осторожным, границу без лишней надобности не пересекал и судьбу не испытывал.

Судьба испытала его сама, когда заставила убить школьного товарища на глазах у его дочери. Да не просто убить… До сих пор от воспоминаний – холод в животе.

А девочка выросла. Выросла и жаждет возмездия. Крови его жаждет. Пока еще сдерживается, контролирует свою силу, но долго ли продержится?

И вторая, которая Анжелика. Девица городская, хлесткая, красивая. В ней тоже сила, если верить этому балаболу Лешему.

И третья… Марфа… Архип ведь ее тогда совершенно случайно встретил. Приехал на встречу с Никопольским, чтобы обсудить все лично, а тут она – такая смешная, такая красивая, такая отчаянная… Кто ж думал, что она тоже увидит ключ?! Кто вообще мог такое предположить?!

Или мог? Тот, кто их всех нанял через Никопольского? Ведь все не случайно. Настолько не случайно, что аж страшно. Не за себя. За себя Архип уже давно бояться перестал, вот за этих трех девочек. А еще любопытно, которая из них. Эльза самая сильная. В Марфе силы если только капелька. Анжелика кой-чего умеет. Которая тогда? Самая сильная или самая слабая? Или три сразу? Но такого быть не может. Не случалось такого за всю историю существования их рода никогда. Ни отец такого не рассказывал, ни дед. Если только тот, самый первый, пращур, который повинен в том, что с ними со всеми случилось. Надо в охотничий домик наведаться, проверить тайник. Тайнику тому, наверное, лет сто уже, если не больше. Кто сделал? Точно не дед. Кто-то до него. Раньше Архипа не интересовало, что там в тайнике. Молодой был, дурной и горячий. Сначала делал, а уж потом думал. А дальше случилось то, что случилось, и стало не до тайника. А потом тюрьма, монастырь и обет, который Архип принял. Да и какой это был обет? Так, отдохновение для истерзанной души. Не онемевший, но молчаливый. Что слова?! Мусор! В его жизни и так мусора полно. И грязи… Так что не испытание, а лекарство. Наверное, отец настоятель прекрасно понимал, что Архипу больше всего было нужно. Отец настоятель многое в этой жизни понимал лучше остальных. Иногда Архипу казалось, что и видел тот больше остальных. Потайной ключ точно видел. Но ничего не сказал, только головой покачал вроде как с жалостью. И когда пришло время от обета отказаться, отец настоятель тоже не упрекнул, сказал только:

– Береги себя.

– Постараюсь. – Соврал. Себя беречь после всего, что он натворил, последнее дело. А вот девчонку, которая по его вине осталась круглой сиротой, он постарается сберечь. Сам костьми ляжет, а ее спасет.

Кто ж тогда думал, что девчонок этих окажется аж три?! Кто ж думал, что одной из них будет Марфа?!. И что теперь? Как их всех беречь и спасать? Как остальных спасать? Паца-

нов этих городских… Бухгалтера… И спасать теперь, оказывается, придется и от людей, и от нелюдей. Где силы взять?

Хотя нет, про то, где взять силы, Архип прекрасно знал. Там, куда простым людям хода нет, за невидимой для остальных границей. И тянуть нельзя, нужно выступать на рассвете. А сейчас спать, урвать у этой проклятой ночи хоть клочок тишины и покоя.

– Всем спать, – велел Архип таким тоном, что ослушаться его было никак нельзя. Велел и потушил недокуренную сигарету.

На Марфу он даже не взглянул, но она не обиделась, не расстроилась даже. Потому что на крик ее он примчался первым. Ничего ласкового не сказал, но по глазам было видно – он за нее испугался. Испугался. Такой мужчина, как Архип, испугался за такую женщину, как она. На душе заскреблись кошки. Нет, не кошки, а мышки. Маленькая летучая мышка не больно, почти ласково, вонзила коготки в кожу. Мышка смотрела на Марфу черными, как бусины, глазами и не то попискивала, не то пощелкивала. Красивая, смешная такая!

Кто бы раньше трусихе Марфе сказал, что ей понравится летучая мышь! Не поверила бы ни за что. Она и обычных-то мышей не очень, а тут летучая. Но то другие, чужие звери. А это ее девочка. Марфа была почти уверена, что это – девочка.

– Ночка, – прошептала она и погладила свою мышку по макушке. – Будешь Ночкой. Хорошо?

Мышка Ночка снова что-то прощелкала, кажется, одобрительное. И на душе как-то сразу полегчало.

Спать укладывались в полном молчании, даже вечно язвительная Анжелика не проронила ни слова, рухнула на кровать едва ли не с разбегу, закинула руки за голову. Крыс ее тут же устроился на подушке. Эльзина кошка тоже прилегла в ногах у хозяйки. За кошку Марфа переживала особенно. Вернее, не за кошку, а за свою Ночку. Хоть бы никто ее не обидел. Потому что кошка – это ведь хищник.

– Не волнуйся, – послышался из темноты голос Эльзы. – Зена не тронет твою… мышку.

– Ночку, – поправила Марфа с улыбкой. – Ее зовут Ночка.

В темноте тут же фыркнула Анжелика, но как-то не зло, а так… ради проформы. Ну и ладно, придется как-то попытаться уснуть, потому что вставать уже через пару часов, нужны силы…

– …Вставайте, девки! Петухи уже пропели! – Голос бабы Маланьи пробивался к Марфе словно через серую плотную вату, но все равно был громок и требователен.

Тут же что-то ласково защелкало возле уха, завозилось в волосах. Еще не до конца проснувшись, Марфа уже испугалась, но почти тут же вспомнила про свою Ночку и успокоилась. Рука нашарила треугольную, шишковатую голову мышки, погладила.

– Привет, Ночка, – сказала Марфа шепотом и открыла глаза.

Комнату заливал серый рассветный свет, из открытого окошка тянуло прохладой. На подоконнике уже сидела кошка, рядом – Эльза, растрепанная и несчастная. Что это она совсем, что ли, спать не ложилась?

Если Эльза не ложилась, то Анжелика, кажется, не собиралась вставать. Она закрывала голову подушкой, по которой туда-сюда сновал ее Крыс, и бормотала что-то нечленораздельное. Но баба Маланья была настойчивой и беспощадной. Она убрала подушку, а потом сдернула с Анжелики одеяло. Крыс протестующе запищал, забегал теперь по Анжеликиной спине.

А Марфа уже спустила босые ноги на деревянный пол, потянулась. Ночка ухватилась лапками за ее косу, снова защелкала. Раньше Марфа терпеть не могла, когда что-нибудь делали с ее волосами, а теперь вот ничего, пусть держится.

На дворе у колодца уже умывались мужчины – Архип молча, Никита и Леший с громкими фырканьями. Наверное, потому что вода холодная. А Семен Михайлович вышел на крыльцо с дымящимся алюминиевым ковшиком в руке.

– Доброе утро! – вежливо поздоровался он и тут же добавил с виноватой улыбкой: – Не переносят мои суставы ледяную воду. Годы, знаете ли…

Годы у него были не так чтобы очень большие. Марфа дала бы ему пятьдесят лет, может, чуть больше. Еще не старик, но вот ведет себя так… по-стариковски, осторожно.

– И поспешите, пожалуйста! – добавил он, с опаской косясь на болтающуюся на Марфиной растрепанной косе Ночку. – Сейчас позавтракаем и выдвигаемся.

Завтракали быстро и почти в полном молчании. Выглядели все участники экспедиции мрачными и невыспавшимися. Относительно бодрым казался лишь Семен Михайлович. Он же первый и дал команду к выступлению. С бабой Маланьей прощались уже как с родной. Она обняла всех по очереди, каждому заглянула в глаза, каждому что-то шепнула на ухо. Марфе тоже шепнула:

– Он хороший человек, девонька. Хороший, только очень несчастный.

Марфа не стала спрашивать, о ком речь, и так все поняла. Несчастный… А как быть счастливым, когда на душе такой грех?.. Думать про то страшное, что сделал Архип, было больно, а не думать не получалось. И все равно, несмотря ни на что, Марфа бы жизнь свою бестолковую за него отдала, не раздумывая. Вот так все сложно у нее получалось. Куда сложнее, чем с обманщиком Мишаней. Даже странно, что из-за Мишани она когда-то лила слезы. Дура была, вот и лила. Она и сейчас дура, если смотрит на Архипа так… если от каждого его взгляда, от мимолетного прикосновения мурашки по коже. Но что поделать? Наверное, это и есть судьба…

– Куда мы? – спросил Леший, с отвращением и легким недоумением косясь на разбитое стекло микроавтобуса. – Сразу в тайгу?

– В Сосновый. – Архип уселся за руль. Остальные погрузились в салон, заняли свои места. – Михалыч, у тебя деньги есть на случай форс-мажора? – Он посмотрел на завхоза.

– Это смотря какой форс-мажор и какие деньги, – уклончиво ответил тот.

– Большие деньги. Хорошее оружие стоит недешево.

– А зачем нам оружие? – задала вопрос Анжелика. Если бы она промолчала, спросила бы Марфа.

– Чтобы защищаться. – Архип повернул ключ зажигания, заурчал мотор. – Кто-нибудь из вас умеет обращаться с оружием?

– Нет, – тут же ответил Семен Михалыч и даже головой потряс, отрицая такую вероятность. – Как-то не приходилось.

– Я умею. – Леший распрямил плечи, бросил быстрый взгляд на Анжелику. – Было время, я в тир похаживал.

– В тир похаживал, – хмыкнул Архип, не оборачиваясь.

– У нас военная кафедра в мединституте была и сборы, но я знаю только азы, – сказал Никита.

– Я в страйкбол играла. – Анжелика скармливала сушку своему Крысу. – Но стреляю хреново.

– Тебе и не надо стрелять, ты их будешь силой мысли гасить, – тут же поддел Леший.

– Я не умею, – торопливо вмешалась Марфа, чтобы унять зарождающийся конфликт. – Даже в руках не держала.

– Я умею, – Эльза не смотрела ни на кого из них, Эльза смотрела в окно. – Меня папа учил.

На слова Эльзы Архип обернулся, во взгляде его мелькнула боль. Или Марфе это только показалось?

– Значит, два практика и три теоретика, – констатировал он, трогая машину с места.

– Кто практик? – тут же поинтересовался Леший.

– Я и она. – Архип кивнул в сторону Эльзы. – Она хорошо стреляла… в детстве.

– А мы, значит, теоретики?

– У меня есть карабин, поэтому нам нужно еще как минимум четыре ружья. – Архип не ответил, Архип смотрел на Семена Михайловича. – Если четыре не выйдет, то хотя бы три. На самый крайний случай – два.

– А разрешение? – тут же засомневался тот. – Насколько я знаю, требуется разрешение.

– Вот потому денег нам потребуется много, что без разрешения. И человек, который оружием торгует, непростой, у меня с ним были… – Архип сделал паузу, – были определенные разногласия. Может и отказать, но попытаться стоит.

– Я договорюсь, – вызвался Семен Михалыч неожиданно решительно. – Вы мне только скажите, что конкретно нужно, какие модели, сколько патронов. А лучше, знаете что?! Лучше на бумажке мне все подробненько напишите.

– Чужаку он не продаст.

– Мне продаст. – К решительности добавилась уверенность. – Меня не просто так наняли. У меня, знаете ли, тоже есть дар. Дар убеждения. – Семен Михалыч поправил очки. – Так что давайте пишите свой список.

Архип смерил его долгим взглядом, а потом молча кивнул. Доверился чужому дару? Или просто не захотел спорить?

Марфа думала, что тот человек, который может продать им оружие, живет в самом поселке, но Архип в Сосновый заезжать не стал, остановил микроавтобус в стороне от одинокого, но с виду основательного хутора.

– Дайте бумагу и ручку, – велел проводник, ни к кому конкретно не обращаясь.

Ручка и бумага тут же нашлись у Семена Михайловича. Архип что-то быстро написал, подумал немного и добавил еще один пункт.

– Его зовут Федором. Такой тщедушный, лысый мужичонка. Бородка у него с косичкой дурацкая. Но пусть вас не вводит в заблуждение его внешний вид. Он опасен, по-настоящему опасен. Все местные бандиты и браконьеры – его клиенты. Если откажет, лучше сразу уходите. Сделаем крюк, найдем в другом месте.

– У нас нет времени на то, чтобы искать в другом месте, у нас четкий график. – Семен Михайлович аккуратно сложил листочек, сунул в карман своей жилетки.

– Вы пойдете один, но я буду поблизости. – Архип выбрался из-за руля. По лицу его было видно, что в удачный исход предприятия он не верит. – Если вдруг что-то пойдет не так.

– Все будет хорошо. – Семен Михайлович спрыгнул на землю, решительно направился в сторону хутора, а Архип словно испарился. Только что был, и вот его уже нет.

Они отсутствовали больше двух часов. Оставшиеся уже начали волноваться, парни даже собирались пойти следом, когда наконец увидели две фигуры: высокую, чем-то нагруженную, и маленькую, идущую налегке.

– Получилось, что ли? – недоверчиво спросил Леший и выскочил из микроавтобуса, следом выбрались остальные.

У Семена Михайловича и в самом деле все получилось, и по растерянному лицу Архипа было видно, что он до сих пор не может поверить в случившееся. Словно покупка оружия у местного мафиози куда опаснее, чем недавнее нападение птиц и то, что им еще предстояло пережить.

– Я же говорил. – Семен Михайлович скромно пожал плечами. – Конечно, пришлось поторговаться. Потому как я считаю своим долгом отчитаться о тратах, но все, что было указано в списке, я добыл.

А мужчины, какими бы взрослыми, какими бы сильными они ни были, все равно оставались малыми детьми! Потому что ни Леший, ни Никита его не слушали, они с нескрываемым восхищением рассматривали, взвешивали в руках, прикладывали к плечу купленное оружие. Марфа надеялась, что Архип не забыл его разрядить. Мало ли что.

– Все, пора в дорогу, – сказал Архип, перехватив встревоженный Марфин взгляд. – Еще километров десять получится проехать, а дальше придется идти пешком. Возвращайтесь в машину.

С оружием парни расставались с неохотой. Даже Никита, который был куда благоразумнее Лешего. Дети, ну точно дети! Вот только игры им предстояли не детские, и ружья эти тоже не игрушечные…

– Я узнал еще кое-что, – сказал Семен Михайлович, когда их автомобиль тронулся с места. – Про тех людей, что напали на вас ночью. – Он глянул на Лешего. – За информацию пришлось заплатить, но я подумал, что она может нам пригодиться. Федор знает лично только одного из них, самого главного. Это бывший уголовник Олег Демьянов по прозвищу Демьян.

Стоило только прозвучать этому имени, как Архип встрепенулся, даже оторвался от дороги, чтобы посмотреть на Семена Михайловича. Лицо его сделалось мрачным и сосредоточенным. Марфа сразу поняла, что с Демьяном он знаком. Бывший уголовник… Архип ведь тоже бывший уголовник… В груди сделалось холодно и колко, дремавшая все это время Ночка тут же проснулась и успокаивающе защелкала. Марфа погладила ее по спинке. А вот Семен Михайлович ничего не заметил, он как ни в чем не бывало продолжил свой рассказ:

– Федор сказал, что Демьян промышлял браконьерством, а пятнадцать лет назад убил инспектора охотнадзора, который застукал его за разделкой туши лося. Убил охотничьим ножом, а тело спрятал в лесу. Убийцу бы никогда не нашли, если бы не егерь. Там егерь работал, Федор сказал, цитирую – совсем безбашенный мужик, не боялся ни черта, ни дьявола, ни Демьяна-убийцы. Вот он Демьяна и выследил, а потом сдал в милицию. В таком виде сдал, что пришлось его потом долго лечить и штопать перед судом. Демьян отсидел, а три месяца назад вышел и вернулся в родные края. А тут это объявление о награде в миллион долларов. Вот он и решил с подельниками попытать счастья. А перед этим взял у Федора в долг оружие.

– В долг? – Архип нахмурил густые брови.

– Ну, не совсем чтобы в долг, в счет будущих призовых.

– То есть этот Демьян уверен, что получит призовые? – спросил Леший. Выглядел он при этом одновременно воинственно и испуганно. Наверное, вспомнил то, что приключилось с ним минувшей ночью.

– Он на это очень рассчитывает. Что ни говори, а Демьян из местных. Лес здешний знает, с оружием управляться умеет. – Семен Михайлович перечислял, загибая пальцы. – Ну и репутация, знаете ли. Федор сказал, что многие от поисков отказались, когда узнали, что Демьян в деле. Испугались. Он лютый человек, беспощадный.

– Мне можете не рассказывать про его лютость. – Леший поморщился. – Я с ним нос к носу столкнулся, можно сказать, чудом в живых остался. Страшный тип…

– Я надеюсь, не страшнее нашего Архипа, – заметил Семен Михайлович и тут же смущенно крякнул. – Ой, простите, я не то имел в виду.

– Все нормально. – Архип, не оборачиваясь, пожал плечами. – Вы правильно все сказали. Демьян не страшнее меня, но злее. Много злее. Для него святого ничего нет. И души нет.

– А у тебя есть? – Эльза вытянулась в струну и с ненавистью буравила затылок Архипа. Марфе стало страшно. И за Эльзу, и за Архипа…

– Не знаю. – Архип ответил не сразу. Она уже думала, что и не ответит вовсе. – Может, и нет.

Марфе хотелось крикнуть, что это неправда, что он ошибается, что у него есть и сердце, и душа, но напоролась на острый как бритва взгляд Эльзы и прикусила язык. У этих двоих такие счеты, про которые даже думать страшно. И больно, потому что жалко обоих. Быть такого не должно, убийца – всегда убийца, а вот ей, Марфе, все равно жалко. Аж до слез.

– А это же вы тот егерь! – послышался в тишине салона голос Лешего. – Это вы Демьяна спеленали и в милицию сдали!

– Я. – Архип бросил на него быстрый взгляд. – Я с Ильей, инспектором убитым, за одной партой сидел. У него жена осталась и трое ребятишек сиротами… – Он замолчал, перевел взгляд на окаменевшую, превратившуюся в статую Эльзу и больше ничего не сказал, уставился на дорогу.

Эльза тоже промолчала, просто крепко зажмурилась, уткнулась лбом в стекло. Кошка Зена тут же сунулась к ней, и Никита подался вперед, всматриваясь с тревогой, порываясь пересесть поближе к Эльзе. Он передумал в самый последний момент, дернул подбородком, отвернулся.

Дальше ехали в полном молчании. Архип не включал даже радиоприемник. А может, и не ловило радио в этой глуши. Ведь и в самом деле глушь. Лес становился все темнее, а дорога все у́же, пока не превратилась в едва различимую тропу. Вот когда превратилась, Архип и заглушил мотор.

– Приехали, – сказал, убирая руки с руля. – Дальше пешком. Все готовы?

Ответом ему стала тишина. Никто из них не был готов. Потому что они понятия не имели, что их ждет впереди.

– Разбирайте! – Архип кивнул на ружья. – Без лишней надобности не палить, только когда я скажу. Места тут такие. Примерещиться может всякое… Поэтому не стреляйте без команды.

Оружие досталось Лешему, Никите, Анжелике и Эльзе. Никита попытался забрать у нее рюкзак, чтобы было легче идти, но Эльза отмахнулась, быстро и сноровисто проверила затвор, осмотрела ружье, кивнула удовлетворенно. А Марфа не на шутку испугалась. Теперь, когда у этой несчастной девочки в руках оружие, разве станет им всем спокойнее? Разве Архипу все равно, что прямо за его спиной вооруженный человек, который ненавидит его лютой ненавистью, у которого есть все основания для этой ненависти?..

– Стрельнуть бы, – мечтательно сказал Леший и прицелился в торчащую из земли хилую сосенку.

– На место придем, стрельнешь, – пообещал Архип. – А пока лучше не шуметь.

– Куда идем? – деловито поинтересовался Семен Михайлович. – Из своего рюкзака он достал зеленый баллончик и сейчас щедро орошал себя его содержимым. – Средство от насекомых и клещей, – пояснил он. – Настоятельно рекомендую. Клещевой энцефалит, знаете ли, не шутка.

– Можно подумать, клещи – это самое страшное, что нас ждет, – хмыкнула Анжелика, но баллончик у завхоза все-таки взяла. Перед тем как побрызгаться, посадила Крыса на высокий пенек, чтобы не нанюхался химии.

– Идем к охотничьему домику. – Архип забрал у Марфы ее рюкзак. Вот просто молча взял и перекинул через плечо. Она и слова сказать не успела. – Здесь недалеко, километров шесть всего.

– Всего километров шесть! – простонал Леший. – Какая малость!

– А что там, в охотничьем домике? – спросил Семен Михайлович, забирая у Анжелики баллончик с репеллентом и передавая его Эльзе.

– Кое-какие припасы в дорогу.

– Я всеми припасами запасся. – В голосе завхоза послышалась обида.

– Всеми да не всеми. – Не дожидаясь остальных, Архип двинулся вперед, кажется, только шаг сделал, а тут же пропал в густом подлеске. – Не отставайте! – послышался оттуда, из-за этой серо-зеленой завесы его хриплый голос, и Марфе захотелось бежать следом. Слишком неуютным, слишком диким и первозданным казался этот лес.

Шли гуськом. Первым Архип, последним Никита. Марфе казалось, что говоря про чисто теоретические знания, врач слукавил, потому что ружье держал уверенно, куда увереннее, чем хвастун-Леший, почти так же уверенно, как Эльза. Оказавшись в лесу, Эльза изменилась, походка ее стала мягкой, по-кошачьи крадущейся, а лицо оставалось каменным, словно мыслями она была где-то очень далеко. Кошка Зена сначала трусила рядом с хозяйкой, а потом исчезла, ушла в разведку. И Ночка, все это время дремавшая, уцепившись за Марфину косу, встрепенулась, глянула черными бусинами глаз и взмыла в небо. Ночка вернется. Теперь Марфа это точно знала, чувствовала, как чувствовали своих зверей остальные девушки. Анжеликин Крыс тоже куда-то пропал. И Анжелика переживала, то и дело вглядывалась в траву под ногами. Может, боялась наступить ненароком.

Сначала идти было легко, но очень скоро Марфа поняла, что устает, не выдерживает заданный Архипом темп. Жарко. И пить хочется. И присесть где-нибудь в тенечке. А лучше вернуться к дому бабы Маланьи, усесться на завалинке возле колодца и не двигаться. Наверное, такие упаднические мысли посещали не только ее, потому что, когда Леший, словно бы ненароком перехватил Анжеликин рюкзак, та не стала отмахиваться от помощи. Поблагодарить не поблагодарила, просто глянула так… удивленно. А Эльза, наверное, и не заметила, что ее рюкзак уже у Никиты. Она крепко сжимала ружье и, кажется, к чему-то напряженно прислушивалась. Может, и в самом деле что-то слышала. Архип ведь сказал, что отец брал ее с собой на охоту. Наверное, научил слушать лес.

А лес не молчал. Он похрустывал и порыкивал, шелестел ветвями деревьев и крыльями птиц. Птиц Марфа боялась больше всего, даже больше медведя. Поэтому то и дело смотрела вверх. Остальные, наверное, думали, что она высматривает свою Ночку, но Архип знал правду.

– Они сюда редко залетают, – сказал он, не оборачиваясь. – Это не их земля. Не бойся.

Можно было соврать, что она не боится, но Марфа не стала. Она боялась. Боялась леса, птиц и своей отчаянной решимости дойти до конца. Она ведь не борец. Она самая обыкновенная, скучная даже. Но судьбу не выбирают. Вот она – ее судьба, прет напролом, раздвигая широкими плечами колючие ветки. Не оборачивается…

– Может, передохнем? – первым не выдержал Леший, не оправдал свое лесное прозвище. – Посидим в тенечке, подумаем о бренности бытия? Дамы небось устали. – Он с надеждой посмотрел на Марфу, наверное, как на самую слабую, самую ненадежную из них всех.

– Скоро уже, – сказал Архип, не оборачиваясь. – Тут полчаса ходу осталось.

Сам он теперь точно так же, как до этого Марфа, вглядывался в небо. Соврал про птиц? Просто чтобы успокоить ее, соврал?

Но уже через пару минут Марфе стала понятна причина его беспокойства. Собиралась гроза. Стихло все в лесу: и птичьи голоса, и звериные. Слышен оставался лишь свист ветра в ветвях вековых сосен. И свист этот усиливался с каждой секундой.

– Ускоряемся! – крикнул Архип и, ухватив Марфу за руку, потянул за собой.

Теперь они уже не шли, а бежали. Ей казалось, что, не разбирая дороги, в никуда. А ветер становился все сильнее и сильнее, он еще не сбивал с ног, но скоро, очень скоро… Посыпались сверху ветки, сначала мелкие, потом все крупнее, угрожающе заскрипела старая сосна, заскребла лапами землю, накренилась.

– Держитесь за руки! – рявкнул Архип, стараясь перекричать ветер. – Уже почти на месте!

И словно испугавшись этого почти звериного рыка, лес расступился. Потревоженные ураганом деревья раскачивались, стонали, окружали небольшую, приземистую избушку, но, будто заколдованные великаны, не решались переступить невидимую границу.

– К дому! Беги! – Архип с силой толкнул Марфу вперед, к теряющейся в сером мареве избушке, снова заорал: – Все сюда!

Под низкий навес он забежал последим, убедившись, что никто не потерялся, не пропал в этой круговерти. И тут же грянул гром, а следом разверзлись небеса, заливая все вокруг потоками холодной воды.

– В дом! – Он навалился плечом на тяжелую дверь, и та с тихим скрипом отворилась.

В доме было темно, пахло пылью, старым деревом, сухими травами и немного бензином. Люди нашли спасение, но здесь не было зверей…

Обратно к дверям они бросились все разом: Марфа, Эльза и Анжелика. Наверное, втроем, напуганные и одновременно решительные, они были силой, потому что даже Архип не смог им помешать. Их голоса тонули в раскатах грома, но те, кого они звали, услышали.

Первой под навес заскочила Зена. Уперлась лапами в пол, встряхнулась почти по-собачьи. Следом юркнул Крыс. Он был насквозь мокрый и оттого казался не белым, а серым. Ночка прилетела последней, вцепилась коготками в Марфину косу, защелкала. Все на месте, теперь можно возвращаться.

Внутри уже горел свет. Зажгли керосинку, и Архип возился у печи, разводил огонь. На вернувшихся он глянул лишь мельком, словно не сомневался, что все с ними будет хорошо. А снаружи бушевала настоящая буря, билась тараном в бревенчатые стены, рвала крышу.

– Хоть выдержит? – с опаской спросил Семен Михалыч.

– Она и не такое выдерживала. – Архип подбросил в печь сосновую чурку. Потянуло дымком. Марфа чихнула. Лишь бы не заболеть…

– Как думаете, это надолго? – спросил Никита, всматриваясь в темноту за окном.

– Надолго, – успокоил Архип уверенно. – Это приграничье, тут *его* власть становится сильнее. Наши силы против *его*.

– И что теперь? – спросила Анжелика, стаскивая с себя мокрую куртку. – Что нам делать теперь?

– Ждать. – Архип пожал плечами.

– Вот тут ждать?! – Она обвела взглядом комнату.

Комната, хоть и была довольно просторной, но, судя по всему, единственной. Печь, широкий деревянный полок, застеленный медвежьей шкурой, лавки вдоль стен, грубо сколоченный дубовый стол, пара стульев – вот и вся мебель…

– Можешь ждать снаружи. – Архип не шутил, он, кажется, вообще не умел шутить. – А остальные располагайтесь. Придется заночевать здесь, так что будьте как дома.

Марфа думала, что Анжелика станет капризничать, язвить и донимать всех придирками, но она лишь вздохнула, прижала к груди дрожащего Крыса и переместилась поближе к печке. Там, на деревянном полке, уже улеглась Зена. А Марфа вдруг вспомнила, что все они не ели с самого утра, а готовка – это ее прямая обязанность. И веселее как-то, если все вместе за столом…

За водой вышел Никита. Прихватил в сенях ведро, сунул под дождевые струи. Если прокипятить, то, наверное, можно будет пить. Леший вытащил свою камеру и сейчас снимал внутреннее устройство избушки. Снимал и бурчал, что мало света и видно все хреново. Семен Михайлович перепаковывал вещи, Эльза и Анжелика развешивали у печи на просушку мокрую одежду. Похоже, все смирились с вынужденной заминкой. А может, где-то в глубине даже обрадовались этой отсрочке.

Закончив с печью, Архип накинул дождевик и вышел из избушки. Прямо в грозу вышел…

Его не было почти полчаса, а Марфа волновалась уже с самой первой минуты. То и дело поглядывала на часы. Куда пошел?

Когда терпеть дальше уже не было никакой мочи, дверь наконец распахнулась, и в сени ввалился насквозь мокрый, пахнущий дождем и лесом Архип. В руках он держал плетеную корзину, чем-то доверху наполненную и прикрытую дерюгой.

– Вот, это тебе. – Он поставил корзину на лавку рядом с Марфой, сказал чуть виновато: – В погреб ходил за провиантом.

Марфа не ответила, только украдкой, чтобы никто не заметил, коснулась его мокрой руки. Архип улыбнулся одними уголками губ, отошел от стола, принялся стягивать дождевик. А Леший уже сунулся со своей камерой к корзине.

– Ну-ка, что у нас тут? Что Бог послал?

Бог послал чуть пожухшей картошки, шмат сала, приличных размеров кусок вяленого мяса, банку самодельной тушенки и пакет кедровых орешков. С такими запасами с голоду они точно не умрут. Марфа уже даже придумала, как все это приготовит. Вот только с печкой она управляться не умеет. Хоть бы не испортить. А Архип уже закатал рукава и принялся чистить картошку. От лезущего под руки Лешего он отмахнулся, но не зло, а так… для порядка. И Марфе стало совсем спокойно. Словно бы не бушевала снаружи гроза, словно бы не ждало их впереди ничего страшного. Все хорошо, все правильно. Большая семья готовится к обеду. Обычное ведь дело.

У Марфы никогда не было большой семьи, но в сердце росла уверенность, что вот именно так все и должно выглядеть. Архип чистил картошку и поглядывал на нее искоса. Вид у него был задумчивый, а из-под рубашки выглядывал уголок не то книги, не то тетрадки в кожаном переплете, небрежно засунутой за пояс. Наверное, это была важная книга, если Архип решил с ней не расставаться. Спросить бы, но ведь не расскажет…

…Солнце палило нещадно, над головой роился и гудел гнус. Отмахиваться от этих крылатых тварей Степан устал. Да и что толку – отмахиваться, когда они кругом? Забиваются в глаза и ноздри, лезут в горло, стоит только открыть рот. Оттого они с Игнатом и шли молча, чтобы лишний раз рты не открывать. А еще от усталости и волнами накатывающей злости.

Заблудились! Как они, бывалые люди, старатели с многолетним опытом, умудрились заблудиться?! Как такое вообще случилось? Степан знал как – из-за Игната, из-за чуйки его дурацкой! Вот Игнатова чуйка их к этому гиблому месту и вывела. Чуйка, а еще азарт.

– Я знаю, Степа, шкурой чую, что близко золотишко-то! – Игнат поначалу еще разговаривал, поглядывал на Степана ободряюще и лишь самую малость виновато. – Найдем! Эх, друг дорогой, найдем, что искали! Всем им носы поутираем! Ты, главное, верь мне!

Степан верил. Вот уже года три как верил своему закадычному дружку Игнату Горяеву, следовал за ним молчаливой тенью, надеялся на скорый фарт. Да только с каждым днем бесплодных мыканий по тайге надежда становилась все призрачнее, а вот злость, наоборот, нарастала. Ладно Игнат! Этот всегда был мечтателем, но сам-то Степан здравомыслием не обделен! Зачем ему погоня за призрачным золотом, за жилой, которую никто не видел, а они непременно найдут? Промышлял бы себе охотой, как раньше. На шкурах тоже можно немалые деньги заработать. Одному так точно на жизнь хватило бы. Но вот терпел, верил дружку Игнату, потому как умел тот увлечь своими дурными фантазиями, умел убедить. Вот и верилось, что это уж точно самая последняя их вылазка, что скоро-скоро они разбогатеют и станут первейшими на всю Сибирь-матушку миллионщиками. Ну не смех ли? Особенно теперь, когда, как на грех, заблудились! Словно леший водит, честное слово!

А может, и леший! Места тут дикие, глухие, не каждый местный так далеко забредает, а они и вовсе чужаки. И что теперь? Над головой – адово пекло, под ногами трясина, комарье заживо жрет. Что теперь?..

Остановиться, передохнуть надо. Подумать как след, куда они прутся и как дальше быть.

Степан так и сделал. Тронул Игната за плечо, сам тяжело рухнул на пружинистую, болотной водой пропитанную кочку, уронил голову в ладони. Хоть немножечко посидеть, передохнуть и подумать.

– Чего? – Игнат уселся рядом, толкнул плечом.

– Заблудились мы, вот чего. – Подумалось вдруг, если товарищ его еще раз вот так ткнет, то он Игнату врежет. Вот прямо промеж глаз.

– Заблудились. – Игнат неожиданно согласился, но тут же сказал: – Не беда, Степа! Где наша не пропадала?! Выберемся как-нибудь! – Он хлопнул себя по небритой щеке, прибивая сразу с полдюжины комаров, подмигнул Степану.

Дурак! Не понимает, что вот тут, прямо в этом чертовом болоте, они найдут свою погибель, потому что топь уже кругом. Потому что уйти под воду они теперь могут в любой момент. И хорошо, если просто под воду, а не в эту вонючую, грязную жижу. Не хочется в жиже умирать…

Степан думал так и ответить, но ему не дали. Почти над самым ухом кто-то гаркнул. Так громко, что аж в голове зазвенело.

Старый, седой ворон сидел на чахлой сосенке, косился на них с Игнатом единственным глазом. На месте второго глаза зияла кровавая рана, в которой, Степан был в этом почти уверен, копошилась белая гнусь.

– Кыш! – Он замахнулся на птицу. – Вон пошла, нечисть!

Ворон вспорхнул с ветки, но далеко не улетел, кружился над их с Игнатом головами, громко каркал.

– Да чтоб тебя! – Степан запустил в него комом мокрой земли. Попасть не попал, но почувствовал мимолетное удовлетворение. – Я сказал, вон пошел!

Ворон коротко каркнул, взмыл высоко в небо и исчез. Вот и хорошо! Не любил Степан этих тварей. С детства не любил.

– Ты чего? – спросил Игнат, потягиваясь до хруста в хребте. – Хоть одна живая душа была рядом, а ты его шуганул.

– Не люблю, – сказал Степан мрачно и прикрыл глаза.

Вот только насладиться покоем не получилось. Захлопали над головой крылья, так близко, что аж ветерком лицо обдало.

Ворон вернулся и снова кружил над их головами. На сей раз молча кружил, а потом вдруг ринулся вниз. Степан подумал, что в атаку, даже отшатнулся. Он отшатнулся, а Игнат не успел. Или не захотел.

Именно Игнат поймал то, что выронил или специально бросил ворон. Поймал прямо в заскорузлую ладонь и очень долго ладонь не разжимал, смотрел удивленно на свой кулак.

А ворон продолжал кружиться и каркать.

– Что? – спросил Степан осипшим голосом, зачерпнул пригоршню болотной воды, плеснул себе за шиворот.

– Вот. – Игнат разжал пальцы. – Ты глянь-ка, Степа, это ж самородок?!.

В его голосе одновременно слышались и неверие, и радость.

Степан присмотрелся – точно самородок! И немалый! Они такой последний раз два года назад находили. И денег, за него вырученных, хватило на целый год беззаботной жизни. А сейчас что же получается? Сейчас золотишко им с неба свалилось?

– Это ты мне принес? – Игнат запрокинул голову к небу, помахал рукой ворону.

Тот каркнул, словно бы соглашаясь.

– А еще есть?

Вот ведь дурак! Разговаривает с птицей, как с разумным существом!

Ворон ничего не ответил, снова исчез, но почти тут же вернулся. В черном, страшном клюве его что-то поблескивало.

– Матерь Божья! – Игнат перекрестился. – Степа, ты смотри, еще золото! – И свободную руку вытянул ладонью вверх. – Ну, давай, птичка, давай золотишко!

Вот только не отдала птичка золотишко, отлетела на приличное расстояние, уселась на кочку, словно дожидаясь.

– Хочешь, чтобы мы за тобой пошли? – Игнату, видать, темечко-то напекло, раз такое удумал. А ворон неожиданно кивнул. Вот прямо по-человечьи кивнул. – Видал? – спросил Игнат шепотом и поднялся на ноги. – Ну, так мы пойдем! – сказал уже громко и решительно шагнул на соседнюю кочку.

Так они и шли: два безумца и одноглазая птица. Продвигались в самые болотные дебри, прямиком в трясину перли. Один раз Игнат даже провалился под воду, пришлось тащить. Пока Степан друга тащил, ворон сидел на деревце, ждал. Безумие, чистой воды безумие! Хотя нет тут чистой воды – одна лишь вонючая жижа кругом…

А ворон вдруг всполошился, забил крыльями, сунулся прямо к Игнату, тот едва успел поймать второй самородок. Но успел, поймал и сунул за пазуху.

– Чего кричишь? – спросил ласково. Степану даже показалось, что он сейчас ворона погладит.

Не погладил, хватило на это благоразумия. А ворон снова взмыл в небо, но далеко не улетел, закружился с громким карканьем над чем-то черным, едва различимым в поднимающемся над болотом мареве.

– Человек? – Игнат присмотрелся. – Степа, там человек, что ли?

Не человек, а головешка. Черная, корявая головешка. Может, молния ударила в дерево, и оно обуглилось. А может, просто сгнило от времени. Потому что человек так выглядеть не может.

Степан так и сказал, но Игнат его не услышал. Не боясь снова провалиться в трясину, он ринулся вперед, к головешке. Ну что тут сделаешь? Степан тоже ринулся, но не к головешке, а за другом, чтобы успеть прийти на помощь, ежели что.

Они бежали, а ворон каркал все громче и громче, бил черными крыльями над головешкой, но сам на нее не садился. Очень скоро Степан понял, почему не садился, потому что и в самом деле не дерево и не головешка, а человек. Мертвяк, обгоревший. Вон видна кость, отвратительно белая на фоне черной плоти. И цепь вот видна, тоже черная, закопченная, но все еще крепкая. Это из-за цепи мертвяк до сих пор не просыпался в болото горелыми ошметками. Она крепкими кольцами обвивалась вокруг него и обуглившейся сосны. Вот так вот…

Степан закрыл глаза, чтобы ничего не видеть. Глаза закрыл, но продолжал слышать жадное жужжание мух, запах горелый чуял. Он считал себя человеком крепким и бывалым, а тут не выдержал. Едва успел отбежать в сторону до того, как сложился в три погибели. Не жрали они с Игнатом уже два дня, оттого и рвало его недолго, одной только желчью. Но полегчало. Нос заложило, и смрада горелой плоти он больше не чувствовал. Спасибо Боженьке!

– Кто ж его так? – Голос Игната доносился словно издалека.

Игнат не испугался, сунулся прямо к мертвяку. И Степану, который считал себя крепче и выносливее, сделалось стыдно. Что он, покойников никогда не видел?! Таких вот страшных не видел, но теперь уж что, выбора нет. Он тоже подошел, встал за Игнатовым плечом. Над головой снова каркнул ворон, и Степан испуганно вздрогнул. Еще этой твари не хватало…

– Его ж убили тут, Степа. – Игнат подошел вплотную, теперь его лицо и черная обгорелая маска были на одном уровне. – Заживо спалили, бедолагу. Ты слыхал когда-нибудь, чтобы с человеком поступали вот так?

Степан лишь молча мотнул головой. Снова захотелось закрыть глаза, но он заставил себя смотреть. И вот в тот самый момент, когда заставил, мертвяк захрипел, дернулся и открыл глаза. Изумрудная зелень на черном и кровавом, два самоцвета небывалой красоты…

Заорал и отпрянул в сторону Игнат, а Степан от страха потерял и дар речи, и способность двигаться. И лишь одноглазый ворон закаркал радостно и победно, словно приветствовал… Кого приветствовал? Вот этого ожившего мертвяка?..

А мертвяк продолжал хрипеть и слабо дергаться в своих железных путах. На людей он смотрел, не мигая. И взгляд его проникал прямо в самую душу, холодил не хуже болотной воды. Первым в себя пришел Игнат.

– Матерь Божья, – сказал шепотом, – так он еще живой!

И принялся разматывать цепь. Он разматывал, а оживший мертвяк все хрипел и дергался. Хотелось думать, что от нетерпения, но Степан знал, что от боли. Это ж какая боль должна быть, когда нет кожи?..

– Помоги! Придержи его, – крикнул Игнат, стараясь перекричать громкое карканье. – Придержи, я один не справлюсь.

Ох, как не хотелось! Как страшно и мерзко было прикасаться к черной плоти, но Степан никогда не был слабаком. Если человек еще живой – пусть даже уже не жилец! – ему все равно нужно помочь.

С цепью они возились долго, пока не поняли, что проще срубить наполовину сгоревшее дерево, чем сбить крепкий навесной замок. Степан рубил, Игнат держал шипящего мертвяка. Нет, не мертвяка – человека…

Они завалились на землю все разом: и дерево, и человек, и Игнат. Только Степан устоял на ногах. Устоял и первым бросился развязывать железные путы. Тянул за цепь и боялся, что неловким движением сдерет с костей остатки еще живой плоти, убьет несчастного теперь уже наверняка.

Но обошлось. Цепь с тихим звоном упала на землю. А дальше что? Что делать с этим?.. Назвать его человеком не поворачивался язык. Сидеть рядом и ждать, пока сам помрет? Потому как помочь ему они ничем не в силах. Если только свернуть шею, чтобы не мучился. Над мыслью этой Степан крепко задумался, будет ли это по-божески, избавить человека от адских мук таким вот способом? Заворчал, заклекотал ворон, встал между Степаном и мертвяком, словно почуял его дурные мысли. А может, и почуял, ведь видно же, что птица эта непростая…

– Что делать будем? – спросил Степан, опасливо косясь на ворона. – Как нам с ним, Игнат?

Игнат ответить не успел, потому что то черное, что бесформенной кучей головешек лежало у их ног, вдруг зашевелилось и поползло. Оно двигалось медленно, по-паучьи, цепляясь за кочки обгоревшими пальцами, противоестественно белыми зубами вгрызаясь в землю, оно ползло к воде, к открывшемуся вдруг болотному оконцу.

Степан хотел помешать, ухватить хоть за что-нибудь, не подпустить к воде, но Игнат крепко сжал его руку, сказал:

– Пусть. Так даже лучше.

Ничего хорошего в этом не было, но хоть не придется брать грех на душу. Степан отступил и так, со стороны, наблюдал, как сползает, медленно погружается в воду то, что когда-то было человеком. Трясина жадно чавкнула в последний раз и сомкнулась. Вот и все, отмучился, бедолага.

Они еще долго молча стояли у самой границы воды, всматривались в подернутые тиной глубины. Не хотелось ни разговаривать, ни даже думать о том, что случилось. Да и само случившееся уже начало казаться им страшным сном. Если бы не пожарище, если бы не одноглазый ворон, который и не думал улетать. Он молча сидел на земле между Степаном и Игнатом и так же пристально всматривался в воду, а потом с громким карканьем взмыл ввысь и исчез.

Только сейчас путники поняли, что простояли вот так у воды до самого вечера, что возвращаться в сумерках уже никак нельзя и придется ночевать на этом гиблом островке суши. Разжигать огонь там, где до этого было погребальное кострище, чувствовать удушающий запах горелой плоти. Как же они так?..

– Уйдем утром, – сказал Игнат и принялся собирать сушняк. – Сейчас уже опасно, а утром как-нибудь.

Костер они разложили в стороне, как можно дальше от пятачка выгоревшей земли, вскипятили воду, заварили кой-какие оставшиеся у Степана травы. Есть не хотелось, впервые за два дня им не хотелось есть, мутить начинало от одной только мысли о еде. И спать тоже не хотелось. Или просто было страшно? Ведь те люди, или нелюди, что сотворили такое, могли находиться где-то рядом. Могли вернуться, чтобы проверить, что сталось с их жертвой. Могли найти себе новые жертвы. Две новые жертвы…

Потому и не спали. Сидели, пялились в огонь, позорно вздрагивали от каждого шороха. Вздрагивать приходилось часто, потому что, в отличие от мертвяка, болото продолжало жить своей жизнью и не собиралось засыпать. Ближе к полуночи они уже свыклись с этими тревожными звуками, даже начали их различать. Протянуть бы до утра, а там уж как-нибудь…

Наверное, Степан все-таки задремал, потому что от громкого всплеска испуганно дернулся, вскочил на ноги, еще до конца не соображая, что происходит. Рядом вскочил Игнат, всмотрелся в темноту. Плеск повторился. Словно бы крупная рыба билась в сетях. Да вот только откуда в гнилом болоте рыба? Степан потянулся за ружьем. Игнат выдернул из костра головешку, взмахнул ею, разгоняя тьму.

Плеск…

Вздох…

И тихие шлепающие звуки… Словно бы босиком да по грязи…

Волосы на загривке встали дыбом, зубы засвербели все разом, а ладони взмокли.

Степан прицелился в оживающую, обрастающую плотью темноту. Кто-то выбирался из болота на сушу. Кто-то достаточно большой, чтобы издавать вот такие звуки. А им некуда бежать, потому что кругом ночь и топь, потому что они сами загнали себя в ловушку.

– Это он, – послышался рядом голос Игната. – Мертвяк…

И Степан поверил. Потому что никто живой не смог бы сначала уйти в болото, а потом вернуться. Вот так вернуться…

Белые кости с ошметками не то плоти, не то болотной грязи. Руки – сучья, ноги – коряги, голова – черная головешка с пиявками вместо волос. Хорошо, что Степан третьи сутки ничего не жрал…

Неуверенный шаг в их сторону. Один, потом другой. Если сделает еще хоть один, если только попробует, Степан выстрелит. Хотя все его охотничьи инстинкты кричат, что ждать нельзя, стрелять нужно прямо сейчас, пока еще есть возможность.

Степан бы и выстрелил, если бы не Игнат. Игнат вцепился в ствол, зашептал:

– Погоди, Степа…

А беда пришла, откуда не ждали, налетела сверху невидимой птичьей стаей, всколыхнула застоявшийся болотный воздух, обдала их с Игнатом сладким кровавым духом.

Птицы, большие и маленькие, болотные и лесные, ринулись к той твари, что выползла на берег, облепили черной копошащейся мантией. И над всей этой вакханалией главенствовал

их старый знакомец – одноглазый ворон. Запах крови становился все сильнее, все невыносимее, словно они оказались не посреди болота, а на скотобойне. Откуда запах? Что несут в кровавых клювах все эти птицы?

Степан не видел что, но все равно знал. Плоть, крошечные кусочки человеческой плоти. Откуда-то убыло, где-то прибыло…

Стало вдруг удивительно тихо. Так тихо, что от тишины этой заболела голова. Еще бы ослепнуть, не видеть того, что предстало их глазам.

Уже не мертвяк, но еще и не человек. Вместо болотной тины на костях кровавые куски плоти. Приживают, прирастают, сочатся кровью по швам, поливают черным болотную землю. И глаза, единственное, что осталось от того, прежнего, то вспыхивают зеленым болотным огнем, то наливаются чернотой, такой кромешной, что хочется криком кричать. Или бежать… Или стрелять…

– Не нужно… – Голос зазвучал прямо у Степана в голове. Сиплый, похожий на свист ветра голос. – Вам не нужно меня бояться.

Врет… Ох, врет… Как же не бояться того, кто сначала помер, а потом ожил вот таким… чудищем?

– Все заживет, – свистел ветер в голове. – Пару дней, и буду новее нового. А вам спасибо. Спасли.

А хорошо ли, что спасли? Нужно ли было такого спасать?

Подумал, и тут же испугался, что этот, который уже не мертвяк, но и не человек, услышит мысли.

– Я вас не трону. – Кажись, не услышал. – Не трону и за помощь отблагодарю.

Сказал и шагнул в очерченный светом костра пятачок. Высокий, окровавленный, словно заново народившийся, но все равно безмерно старый. Шагнул, а одноглазый ворон тут же уселся ему на плечо, впился когтями в еще не заживщую плоть, заклекотал приветственно.

– Ты кто? – А Игнат оказался смелее. Или любопытнее? Игнат всегда рвался к новому и неведомому. То золотишко искал, то клады, то вот… нечисть.

– Зовите меня Враном. – Нечисть, которая все больше и больше становилась похожа на человека, протянула окровавленную ладонь, и Игнат ее почти без заминки пожал. Игнат пожал, а вот Степан так и не решился.

На его нерешительность тот, кто назвал себя Враном, коротко усмехнулся.

– Не хочешь? – насмешливо просвистел в голове голос. – Понимаю. Но я тебя все равно одарю. Не привык я оставаться в долгу у людей.

Сказал и руку протянул. Отшатнуться Степан не успел, острые не то ногти, не то когти впились в макушку, кажется, череп пробили насквозь. Сделалось сначала невыносимо больно, а потом невыносимо ярко. Степан заметался, закричал, от яркости попытался отгородиться ладонями, не пустить ее с головы вслед за голосом. Да, наверное, ничего не вышло, разве ж от такого подарка откажешься? Умрешь скорее, чем откажешься… Или не умрешь, а станешь вот таким, как этот… не человек.

Сначала ушла боль, потом свет, а когда Степан открыл глаза, мир вокруг изменился. Его пронизывали невидимые доселе нити и тропы, он подсвечивался зеленым болотным светом и являл Степану все следы, что оставили на этой земле живые существа. Хоть вчера оставили, хоть сто лет назад. Теперь он совершенно четко видел и болотные ловушки, и спрятанную под водой, давным-давно проложенную кем-то гать. Теперь он не понимал, как можно было заблудиться, когда кругом столько следов, столько знаков.

– Нравится подарок? – Голос-ветер насмехался у него в голове, а Вран улыбался порванным, еще не до конца сросшимся ртом.

А ведь нравится! Самое ужасное, что очень нравится! И если бы подарок попытались отнять, Степан бы в него зубами вцепился, потому что жить дальше без этих знаний, без этого волчьего какого-то зрения он бы уже не сумел. Это все одно, что слепым жить.

– Вижу, что нравится. – Из уголка рта по подбородку скатилась черная капля, но упасть на землю не успела, Вран слизнул ее длинным, совсем не человечьим языком. – Дарю на века! Захочешь, будет дар, не захочешь – проклятье. Тебе решать.

Он обернулся к Игнату, протянул руку, коснулся острым когтем, разрывая на груди рубаху. Игнат даже не дернулся, словно дите малое, ждал своего подарка.

Вот только Степан не слышал теперь голоса. Понимал, что они разговаривают, понимал, что о чем-то важном, но не различал ни слова. Кажется, он даже ослеп на мгновение, потому что, когда снова обрел способность видеть, Игнат уже что-то прятал в карман и благодарил Врана с такой неистовостью, что сделалось одновременно неловко и страшно. А еще любопытно, что ж там за подарок такой? Если хоть вполовину такой же хороший, как у самого Степана, то радость товарища понятна.

А еще можно уходить. Не дожидаться рассвета, а идти прямо сейчас. Степан видел дорогу, чуял ее своей новой звериной чуйкой. Но Игнат уходить не спешил. И Вран тоже. Вот этот пусть бы шел. За подарок низкий поклон, но оставаться рядом с этим не то человеком, не то мертвяком было еще боязнее, чем раньше. Поэтому Степан отошел сам, подкинул в костерок валежника, уставился в огонь.

– Он с нами пойдет. – Рядом уселся Игнат. – Сейчас сил наберется, а на рассвете двинемся в путь.

Сил наберется? Спрашивать, откуда те силы, Степан не стал, лишь молча пожал плечами. А Игнат все не унимался:

– Подфартило нам, Степа! Ох как подфартило! – Он мечтательно улыбался, а рука его то и дело ощупывала карман. Боялся дружок закадычный подарок потерять? – Ты понимаешь, какая силища у него? Ты понимаешь, что это за человек?

– Человек? – все-таки не выдержал, глянул на Игната искоса. – Точно человек?

Они ж не дураки, они ж понимают, что за подарочки получили. От кого получили…

– А мне все едино! – Игнат небрежно пожал плечами. – Ты его слышал? Мы его от верной смерти спасли. Нам от него никакого вреда не будет. Он помочь обещал, научить кой-чему, чтобы фарт тепереча был навсегда, чтобы мы с тобой, Степа, ни горя, ни бедности не знали до конца наших дней.

– А взамен что? – Степан подбросил в костер ветку. Обернуться бы, посмотреть, где тот, кто так много обещает. Вдруг ушел, если к огню не подходит. Да страшно, вот по-настоящему страшно. – Что взамен попросил, Игнат?

– Взамен? – Друг глянул удивленно. – А считай, ничего и не попросил. Так, сущий пустячок. Чтобы вывели мы его из болота да защищали от лихих людей.

– От тех, что его спалили? – Во рту отчетливо почувствовался запах гари. А еще, кажется, крови.

– От лихих людей, – сказал Игнат, как припечатал. – И мы ему поможем, Степа. Сначала мы ему, потом он нам. Или тебе не понравился его подарок? – дожидаться ответа он не стал, сам же и ответил: – Вижу, что понравился. Вот и мне мой тоже… И платить я готов, ежели потребуется. Да он и не требует ничего особенного, только помощи. А разве ж помочь человеку – это грех? – спросил и в глаза заглянул.

– Человеку помочь – не грех. – Хотелось добавить, что вот только не человек Вран вовсе, но Степан язык прикусил, помнил про подарок…

Ужинали при свечах за широким, сколоченным из струганных досок столом. Марфа свое дело знала, все принесенное Архипом и припасенное Михалычем приготовила так, что пальчики оближешь. Отвык Никита от такой простой, но здоровой еды. На работе перебивался все больше фастфудом, дома если и отваживался на готовку, то исключительно из полуфабрикатов. А теперь вот наслаждался. Казалось бы, какое уж тут удовольствие, когда впереди сплошная неизвестность, а поди ж ты!

Кстати, о неизвестности. Сегодня им точно ничего не светит, потому что за стенами избушки творится что-то невероятное. Дождь сплошной стеной. Ветер такой, что кажется, вот-вот сорвет крышу. Тьма. И иррациональное, но совершенно отчетливое ощущение, что они не одни, что там, снаружи, притаилось и ждет своего часа зло. Но Архип спокоен, в окошко, как остальные, с тревогой не поглядывает, ест с явным удовольствием. И от добавки не отказался, даже, кажется, улыбнулся Марфе благодарно.

Что связывает этих двоих? И когда вообще связало? У каждого из их маленького отряда свои тайны, свои интересы. Кое-что они благодаря изысканиям Лешего выяснили, но еще очень многое остается неизвестным.

Вот, к примеру, Эльза. Кто же знал, что ее отец не просто погиб на охоте? Кто ж знал, что его зверски убили? Вот этот похожий на медведя мужик и убил… Убил, отсидел, замолил грехи, а теперь что? Зачем согласился сопровождать их в этой экспедиции? Какой для него лично во всем этом интерес? Ведь очевидно же, что не финансовый. Плевать Архипу на деньги. А на что не плевать? На Марфу? Из-за нее согласился? Чтобы быть поблизости? Чтобы защищать? А про Эльзу знал, когда соглашался? Понимал, с кем придется встретиться?

Никита украдкой бросил взгляд на Эльзу. Ела она мало, но, слава богу, ела. Кошка Зена дремала у нее на коленях. Наверное, это тоже был хороший знак, потому что на все дурное, на все паранормальное звери реагировали первыми.

Со зверями, кстати, интересная история. Ладно, кошка, но крыса и летучая мышь… Разве ж можно считать их домашними питомцами? А девчонки, похоже, считают. Как обозвал их Леший? Фамильяры? Ведьмины звери?

Чушь собачья! Если допустить существование фамильяров, тогда придется поверить в то, что Эльза, Анжелика и Марфа – ведьмы. Смириться с таким Никите пока не позволяло здравомыслие, но непрошеные сомнения нет-нет да и лезли в голову. А еще страх. Ведьмы они там или самые обычные девчонки, но в игру их втянули опасную. И простреленный бок микроавтобуса – наилучшее тому доказательство. Вот именно доказательство, а не догадки и домыслы! Демьян и его отморозки, в отличие от Врана, существуют на самом деле. Мало того, они по-настоящему опасны. И Архип опасность эту осознает. Иначе не стал бы заморачиваться с поиском оружия. Да и Михалыч явно встревожен. Может, не все рассказал им из того, что узнал от Федора? Решил не пугать еще сильнее? Или рассказал, но не им, а Архипу. Так сказать, тет-а-тет?

– А она далеко? – Никитины размышления оборвал Леший, который снова взялся за камеру и теперь лез с ней к мрачному, но невозмутимому Архипу.

– Кто? – спросил Архип, отодвигая от себя пустую тарелку.

– Граница, про которую баба Маланья говорила, далеко?

– Как когда. – Архип пожал плечами.

– Что значит, как когда? – не отставал Леший. – Я тебе конкретный вопрос задал, сколько нам еще пилить до этой границы?

– А я тебе конкретно ответил. – Архип одарил его мрачным взглядом. – Не знаю я, как далеко граница.

– Почему? – Теперь уже и Никите стало интересно, как такое может быть. – Ты разве там не бывал?

– Отчего же не бывал? Бывал. Вот только искать границу на одном и том же месте бессмысленно. Бывает, пару шагов от охотничьего домика сделаешь – и вот она. А бывает, что двое суток по тайге бродишь, пока на границу наткнешься.

– И с чем связаны ее перемещения? – деловитым тоном поинтересовался Михалыч.

– Не знаю. – Архип казался озадаченным. – Раньше ее проще было найти, до того как… – Он бросил быстрый взгляд на Эльзу и замолчал.

– До того как ты убил моего папу, – сказала она бесцветным голосом, а латунный подсвечник с наполовину оплывшей свечой вдруг вздрогнул и заскользил по столу к Архипу. Сначала подсвечник, а следом и охотничий нож… И поделать с этим ничего было нельзя, потому что никто из присутствующих не знал, как управляться с таким. Никита точно не знал, но рывком встал, готовясь перехватить нож. Если получится.

У него бы не получилось. Зачем же себя обманывать? Но получилось у кое-кого другого.

– Нет, – сказала Марфа одновременно испуганно и решительно и так же решительно выбросила вперед руку с раскрытой навстречу ножу ладонью.

Конец ознакомительного фрагмента.

Текст предоставлен ООО «ЛитРес».

Прочитайте эту книгу целиком, купив полную легальную версию на ЛитРес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.